

**Анна
ВЕММЕР**

ПАЛИТРА ЕГО

Пороков

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Веммер

Палитра его пороков

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Веммер А.

Палитра его пороков / А. Веммер — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Играть с хищником опасно, особенно, если это мужчина, одержимый женщиной. В жизни Сергея Сереброва есть все: деньги, власть, внешность, уважение. В моей – только племянница и талант к рисованию, который я с переменным успехом пытаюсь использовать, чтобы выжить. Наше знакомство случилось одной ночью, когда я впервые узнала, что значит бояться и сгорать от чужих прикосновений. А продолжилось оно позже, когда Серебров заставил меня выполнить один провокационный заказ... Содержит нецензурную брань.

© Веммер А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Глава шестая	38
Глава седьмая	45
Глава восьмая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

В обложке использованы фотографии авторов lhgraphics и KittikornPh, по стандартной Royalty-free лицензии сайта <https://ru.depositphotos.com>

Глава первая

Ненавижу осень. Все самое мерзкое в моей жизни происходит именно осенью.

Она наступила так неожиданно, что я вдруг оказалась к ней совершенно не готова. Ни сапог, ни пальто, даже шапку уже стыдно носить. Элю я одела еще весной, когда были скидки, а на себя денег не хватило. Нет их и сейчас, так что как-то придется покантоваться месяц в кожанке и кроссовках. Или у Дэна попросить?.. Нет, он и так выручил нас со стоматологом. Представить страшно, что бы я делала без него. И ведь до сих пор треть суммы не вернула.

Он не просит, конечно, да и то, что я вернула, потратил на Эльку же, но все равно так нельзя. Надо вставать на ноги, надо брать себя в руки.

Раньше, когда я была беззаботной студенткой, стипендии отличницы вполне хватало на жизнь. Хорошую жизнь, сытую и счастливую. Я рисовала, ходила с девчонками по клубам и квестам, покупала шмотки и косметику, даже умудрилась скопить (правда, выиграв в региональном конкурсе) на горящую путевку в Турцию. В общем, жила как и все студенты, не в богатстве, но в достатке. Да и родители помогали.

А потом, в первый день осени, автокатастрофа перечеркнула всю жизнь "до". И оставила только "после", где мы с Элькой остались вдвоем.

Они ехали к друзьям в Питер. И трасса была несложная, и водители опытные, но... никто не в ответе за мудаков на дорогах. Эльке повезло чудом: в последний момент она подхватила ветрянку. Я все равно оставалась дома, ибо начинался учебный год, так что согласилась посмотреть за племяншкой. Так мы и остались одни против всего мира.

Пришлось взять академ и пойти работать, Эля требовала заботы, о дневном отделении можно было забыть. Я прошла все круги ада, чтобы забрать племяншку к себе, чудом устроила ее в садик на половину дня. До обеда работала на почте, там всегда не хватает людей, поэтому меня взяли с охотой на пол ставки, а после обеда делала курсовые. Те самые, которые совсем недавно так беспечно сдавала.

На почте я и познакомилась с Дэном, он фрилансил и часто работал на заказчиков из других городов. Отправлял, наверное, писем по десять в неделю: договоры, акты, задания. На почте таких не любят, а мне он сразу понравился. На вторую неделю он притащил шоколадку.

– Это вам, за улыбку и терпение.

На третьей протянул бумажный конверт, в котором я нашла потрясающие фотки. Когда он успел меня снять? Вот я склоняюсь над посылкой, вот обматываю ее скотчем, вот принимаю деньги, а вот встаю на цыпочки и тянусь к верхней полке, куда свалили целую гору мелких пакетов из Китая.

Дэн оказался фотографом, впоследствии он часто меня снимал. Говорил, камера меня любит.

– Они все одинаковые, понимаешь? Я ищу тфп-модель, а мне пишут клоны, армия клонов! Завитые светлые (или наоборот, иссиня черные) волосы, неестественный загар в любое время года, накачанные губы. Я ищу славянку для "Хозяйки медной горы", а мне пишет девчонка с закосом под Бейонсе, я снимаю проект "Девушки мужских профессий", а на кастинг приходят порномодели. Что ты смеешься? Я серьезно! У нее в портфолио фотосет в сауне во фриловых нарядах, сидит такая: у меня образование технолога. А съемка к столетию ВУЗа... представляешь, если бы ректор узнал, какой его удар хватил?

Я смеялась над его историями до упаду. Дэн повадился меня провожать после работы, потом я пригласила его на чай, потом еще и еще. Так, незаметно друг для друга, мы стали парой.

И да, мне было легче в отношениях. И финансово, и морально. Я не строила иллюзий, никому не нужна девятнадцатилетняя девушка с ребенком. Решила просто наслаждаться тем, что имею.

В этот раз твердо решила: первое сентября будет особенным. Я не позволю мрачным воспоминаниям снова завладеть мной. Я еще за неделю договорилась с соседкой, что она последит за Элькой вечером.

– У нас с Денисом годовщина, – соврала я. – Хотим побыть вдвоем.

Приветливая и добрая тетя Маша, у которой Эля просто обожала оставаться, понимающе улыбнулась и заверила, что все будет хорошо.

Поэтому сейчас я сижу на диване в гостиной Дэна, тяну бокал шампанского и пытаюсь справиться с дрожью в руках. Боже, как же мне страшно! Только вот чего? Я никогда еще не была ни с одним парнем, сначала училась, потом заботилась об Эле. В том, что Дэн – человек, с которым я хочу провести первый раз, я уверена, но в остальном...

Что делать? Хорошо ли я выгляжу? Буду ли так же хорошо выглядеть без одежды? Как мне себя вести? Понравится ли Денису?

Меня даже предохранение не так пугает, как эти извечно девичьи вопросы.

Он возвращается с вазочкой, полной клубники, голубики и еще каких-то фруктов. Дэн всегда балует меня экзотикой, зная, что из витаминов я беру только яблоки, груши да бананы – что подешевле. Когда буду уходить он обязательно сунет мне контейнер для Эльки. Знает, что она с нетерпением ждет каждый раз гостинцев.

Мне одновременно и страшно и хорошо. Сложно поверить в то, что после череды неудач судьба вдруг подарила мне Дениску.

Он опускается на диван, берет клубничку из вазы и подносит к моим губам.

– Ам!

Я смеюсь и кусаю сочную сладкую ягоду. Дэн ждет, пока я прожую, а потом мы целуемся, медленно и долго. Все внутри трепещет от мягких прикосновений его пальцев. Парень поглаживает мою шею, а я уже таю и куда-то уплываю.

– Эй, Жень, погоди, – он отстраняет меня, когда мои пальцы проникают под его рубашку, – я же не железный.

– Мы уже полгода встречаемся, – шепчу я. – Мне кажется, можно выходить на новый уровень.

– Уверена?

Киваю. На самом деле я не уверена ни в чем, но я знаю, что ему тяжело полгода ходить за ручку и целоваться перед подъездом. И мне действительно хочется узнать, что там дальше, как это – стоять на новой ступеньке отношений.

Дэн вдруг поднимается и подхватывает меня на руки. Я смеюсь, он высокий и сильный, ему ничего не стоит держать меня на руках.

Мы снова целуемся и на ощупь добираемся до спальни. Я с наслаждением растягиваюсь на огромной кровати, наслаждаюсь ласкающим взглядом Дэна и радуюсь, что надела сегодня легкое вязкое платье. Замерзла ужасно, но зато этот взгляд, полный восхищения, стоит того.

Я знаю, что симпатичная. У меня длинные каштановые волосы, мягкие и немного вьющиеся, большие глаза с пушистыми ресницами, полные губы, я худенькая и длинноногая. Это не хвастовство, просто я всегда считала, что стенать "ох, я такая дурнушка", имея при этом вполне приятную внешность – излишнее кокетство. Я не кокетничаю, я знаю, что нравлюсь парням. Но это знаю я-разумная. А я-влюбленная просто паникую от того, что опозорюсь в свой первый раз.

Дэн стягивает рубашку, я наслаждаюсь его тренированным телом. Мне нравится в нем буквально все, от светлых прядей волос, падающих на глаза, до небольшого шрама над бровью. Интересно, как он его получил?

Сердце бьется все быстрее и быстрее. Совершенно некстати в голове всплывают десятки дурацких статей в стиле "как вести себя в постели, чтобы доставить ему удовольствие". Я знаю, что нельзя просто лежать под ласками и поцелуями, поэтому отвечаю, как умею.

– Нет, малышка, так не пойдет, – усмехается Дэн. – Я слишком долго тебя ждал, поэтому сегодня ты моя.

Он поднимает мои руки над головой, просовывает между прутьями кровати и, невесть откуда взявшимся шарфиком, крепко приматывает их.

– Дэн... – протестую я.

Но меня снова целуют.

– Тш-ш-ш, не бойся. Женя-а-а, как же я тебя хочу...

Он умеет успокаивать мой страх, умеет сделать так, чтобы я забыла обо всем, кроме его губ. Расстегивая пуговичку за пуговичкой он покрывает поцелуями мое тело. Не торопится, наслаждается, как дорогим вином. Я расслабляюсь, нежусь под горячими сухими губами и сама не замечаю, как перестаю стесняться. Я практически голая, но мне больше не страшно, потому что Дэн смотрит с восторгом и предвкушением.

Но прежде, чем он раздевается сам, раздается звонок в дверь.

Он вырывает меня из сказки в реальность.

– Я пиццу заказал, – виновато бормочет парень, – я же думал, мы кино смотреть будем. Подожди минутку, расплачусь и вернусь. Все равно проголодаемся.

Он дарит мне мимолетный поцелуй и выходит из спальни. Мне хочется попросить, чтобы Дэн меня развязал, но я стесняюсь показаться паникующей идиоткой.

Жду... в тишине, где слышен лишь стук моего сердца.

Квартира у него большая, что происходит в коридоре я не слышу. Только отзвуки, приглушенные, слабые. Сначала хлопает дверь, потом раздается чей-то незнакомый голос.

Мне вдруг становится страшно. Не так, как волнуется девственница перед первой ночью, а по-настоящему страшно, как будто я не в спальне любимого, а в лесу и из темноты на меня смотрят волки.

Его все нет и нет. Похоже, Дэн слишком сильно затянул шарф, потому что руки немного затекают. Наконец я решаюсь позвать:

– Дэн! Все нормально? У меня в сумке есть мелочь, если что.

Боже, как же мне страшно... мучительно долго он не отзывается!

Затем я слышу шаги.

– Оп-па, как интересно, – хриплый бархатистый голос царапает слух.

Я вздрагиваю, когда в проеме появляется темная фигура, пытаюсь освободиться, но привязана слишком крепко.

У него жуткие глаза. Серые, почти бесцветные, я никогда таких не видела. Ледяные... нет, стальные! А еще он огромный, явно проводит кучу времени в спортзале. Дэн рядом с ним смотрится мальчишкой. Темные волосы коротко подстрижены, на лице небрежная щетина.

И смотрит. Прожигает взглядом, рассматривает, как зверушку в зоопарке.

– Что вы... Кто вы такой?

Мой голос дрожит. Немудрено, от такого взгляда даже в одежде почувствуешь себя голой, а я в тонком белье и распахнутом платье.

– Как интересно... – Мужчина проходит в комнату, и я могу видеть, что происходит за его спиной.

От увиденного мне становится трудно дышать, я через силу заставляю себя втянуть воздух. Дэна держат за руки двое крепких парней в темных костюмах. Полы пиджака одного из них разошлись, и можно отчетливо увидеть кобуру.

– Значит, – незнакомец поворачивается к Денису, – решил отметить наеб подружкой?

– Сергей Васильевич, да я не...

Я ахаю, когда один из охранников бьет Дэна под дых.

– Спокойно, малой, спокойно. Я тебя предупреждал, что бывает с теми, кто меня кидает. Предупреждал? Мне ведь не приснилось? Ну что, как отдавать будешь?

– Да я отдам, я...

Мужчина морщится.

– Что ты? Что ты, Савельев, свою мыльницу продашь? У папочки попросишь? Как ты собираешься со мной расплатиться? Думал, бля, лоха нашел? Думал, хрен с ним, со старым козлом, миллионом больше, миллионом меньше, не заметит? Умнее надо быть, Савельев, умнее. И если уж решил спиздить у того, кто сильнее, след заметай! Ладно. Давай, думай головой, как будешь исправлять косяк, иначе я клянусь, тебя поутру в реке найдут, ты не представляешь, как я зол.

Он снова смотрит на меня, и я с ужасом понимаю, что в глазах стоят слезы.

– Да, милая, не повезло тебе с любовничком, мудак редкостный. Представляешь, на пару с одной тварью в офисе уводили баблo через липовые договора. Красиво живет.

– Отпустите меня, пожалуйста, – очень тихо прошу я.

– Да я бы с радостью, – Сергей притворно вздыхает, – но видишь ли, милая, за косяки надо платить. Взять с этого обмудка нечего, фотики его стоят копейки, а нагрел он меня хорошо. Поэтому будет отрабатывать. Для начала полы мне в офисе мыть, а там посмотрим. Ну и сама понимаешь, плохих мальчиков лишают сладкого.

Нет, я не понимаю. Меня трясет так, как никогда в жизни. Кажется, я сейчас проснусь и с облегчением выдохну. Так бывает. Плохой сон, несколько минут смятения и облегчение.

Сергей оборачивается к Дэну, которого все еще держит охранник:

– Сотку скину за малышку. Если смотреть будешь, еще полтос.

– Дэн! – Я захлебываюсь в истерике.

Он молчит. Не смотрит на меня! Молчит, уставившись в пол!

– Не буду, – наконец произносит.

Мой мир рушится, взрывается, распадается на части и горит, вместе с первой любовью и последним кусочком души.

– Дэн! Дениска! Ну не молчи! – прошу я. – Найдем где-нибудь деньги, у меня квартира есть, я...

– Ну да, конечно, – смеется Сергей. – Квартира у нее. Так я и позволил нашему Бура-тино чужими деньгами расплачиваться. Сам пусть отрабатывает. Никаких квартир, Савельев, слышишь? Деньгами я с тебя не возьму. На шкуре прочувствуешь, может, поумнеешь. Костян, уводи, посидите там полчаса.

Я дергаюсь, но шарф не поддается ни на йоту.

– Отпустите, пожалуйста...

Он садится рядом, матрас прогибается под весом мужчины.

– Я никому не скажу, я...

– Помолчи, – следует отрывистый приказ.

Он задумчиво проводит пальцем по моей ключице, спускается к ложбинке. Я всхлипываю и отворачиваюсь, но от прикосновений, как и от взгляда бесцветных глаз, не спрятаться.

– Пожалуйста... – шепчу, потому что горло вдруг сдавливает невидимая рука. – Я еще никогда...

– Девственница? – удивленно поднимает брови мужчина. – И почему таким поганцам достается все самое вкусное... Не бойся, трахать не буду.

Сложно описать чувство облегчения, смешанного с липким страхом. Я и не думала, что сердце способно выдерживать такие эмоциональные всплески. В один момент я до смерти напугана, во второй вспыхивает надежда. А потом...

– Но кончить придется.

– Ч-что...

– Хочу посмотреть, как ты кончаешь. Всего один раз, потом свободна, можешь утешать приятеля.

– Я... нет! Это насилие! Я напишу на вас заявление...

Он морщится, словно я – первокласска, ляпнувшая несусветную глупость.

– Ну напиши. Так и напиши: пришел незнакомый мужик, связал, поласкал, я кончила, потом он ушел. Сказал же, насиловать не буду. Но я тут, видишь ли, из-за твоего любовничка кучу времени просрал, так что хоть какая-то компенсация мне положена. Да и вам обоим урок. Ему – что нехрен воровать, а тебе – нехрен давать кому ни попадя.

Я пытаюсь сказать, что он совершенно не то обо мне думает, что я не шлюха и мы с Дэном давно встречаемся. Но не могу вымолвить и слова, а меж тем Сергей расстегивает крючок на бюсте и медленно обводит указательным пальцем соски.

Медленно доходит, что это не сон и не шутка, но я лишь трачу последние силы на бесплодные попытки вырваться. А он обхватывает ладонью грудь, зажимает сосок между пальцами и сдавливает.

– Не сопротивляйся и не напрягайся. Быстрее кончишь.

В таком состоянии я не могу соображать, я закрываю глаза и, как в детстве, пытаюсь считать до тысячи.

Один... соска касается горячий влажный язык.

Семь... пальцы выводят узоры на груди.

Двенадцать... я с ужасом понимаю, что живот сводит в слабой, но сладкой судороге.

Нет! Нет! Нельзя! Нельзя отключаться, нельзя забывать, что происходит! Нельзя поддаваться его опытным пальцам...

Двадцать... неумолимо он спускается по животу к трусикам.

Двадцать шесть... пальцы проникают под резинку. Я сжму ноги, но против его силы просто нечего поставить, одним легким движением он разводит их в стороны и касается меня там. Я выгибаюсь, кажется, словно меня ударяет током.

– Во-от так, – усмехается он, лаская. – Еще пару минуток... я немного поиграю.

Я ненавижу себя за то, что чувствую, но коктейль из страха с наслаждением пьянит куда сильнее вина. Мужчина словно знает, как и где меня нужно касаться, чтобы вызвать максимум болезненного желания. Я ненавижу себя за то, что лежу перед ним с разведенными ногами и сгораю от прикосновения к чувствительному местечку. Я ненавижу себя за то, что не могу оставаться холодной, за то, что плачу и всхлипываю.

Я ненавижу его за то, что он заставляет меня пережить, потому что больше, кажется, просто не выдержу.

На части рвется сердце, на части рвется привычная "я".

Шестьдесят семь... Боже, как мучительно долго... Мне кажется, хуже быть не может, сильнее напряжения я не испытывала, но каждое движение его пальцев убеждает меня в обратном. Контраст моей разгоряченной влажной кожи и его – загрубевшей – высвобождает доселе неизведанные ощущения.

– Ненавижу, – выдыхаю это слово вместе с всхлипом и запрокидываю голову.

На несколько секунд его рука сжимает мое горло, пока судорога не стихает, а волны удовольствия, пронзающие тело, не становятся тише.

Я пытаюсь прийти в себя, заставляю открыть глаза, а в это время Сергей наклоняется и развязывает шарф. Я навсегда запомню запах его парфюма. Теперь мои кошмары будут пахнуть так, как он.

И говорить его голосом.

– Ну вот и умница. А говорила, не сможешь.

Сколько я лежу, выравнивая дыхание и останавливая слезы? Не знаю. Отрешенно слушаю голоса, доносящиеся из гостиной, но не разбираю слов. Потом хлопает дверь.

Этот звук приводит меня в чувство, я подсакиваю и судорожно начинаю одеваться. Почему-то кажется, что если Дэн увидит меня в таком состоянии, случится что-то необратимое.

Но разве оно уже не случилось?

Дрожащими руками я застегиваю платье, собираю волосы в хвост. Мне надо умыться, но ванная слишком далеко.

Бежать! Как можно дальше и скорее! Оказаться далеко-далеко, в безопасности и тепле.

– Жень...

Денис стоит в проходе. Губа разбита, под глазом зреет синяк. Не знаю, кому из нас досталось больше. Эта мысль неожиданно веселит. Нервное, наверное.

– Не надо! – Я поражаюсь тому, как звенит голос.

Он без слов пропускает меня к выходу. Даже в глаза не смотрит.

А мне хочется плакать, потому что его я представляла, когда думала о счастливом будущем. О нем думала как об отце моих детей. Им жила!

Не смог, не стал, не защитил... все равно бы, конечно, не справился, но я бы знала, что он пытался! Знала, что хотел, знала, что не желал мне зла. Его "не буду" – приговор куда более жуткий, чем то, что сделал Сергей.

– Женьк, ну их трое против одного...

– Замолчи! – рычу и слезы все-таки оставляют две новых дорожки на высохших щеках.

Он протягивает мне контейнер с фруктами, все так же отводя глаза. Мне хочется швырнуть ему этот контейнер в лицо, расцарапать его, кричать, драться, заглушить как-то опустошающее ощущение предательства! Но я представляю, как сонная Элька спросит "А что ты мне принесла?", и заставляю себя взять фрукты.

Это унижительно. Больно.

Но ради племяшки я должна держаться.

Глава вторая

– Ну вот, – говорю я, – теперь ты – котенок.

– Р-р-р-р! – кривляется чудесная девчушка и морщит нарисованный носик. – Я тигр-рр-ь!

– Она только "Р" выговаривать научилась, – поясняет мама. – Хвастается.

Отдает мне деньги и вручает дочке большой ком сладкой ваты. Я бы тоже не отказалась от сладкой ваты, хотя, пожалуй, мороженого хочется больше. Но в парке оно жутко дорогое, а оставить инвентарь и уйти в супермаркет я не могу. До конца смены еще два часа. Потом быстро убрать складные столик и два стула в подсобку, собрать краски и все инструменты, и бежать за Элькой в садик. Дома поделаться с племяншкой задания, а вечером сесть за заказ, потому что время поджидает, я и так пропустила три дня из-за температуры, и они больно ударили по кошельку.

Я рисую в парке четыре дня в неделю: с четверга по воскресенье. Плачу за место восемь тысяч в месяц и очень им дорожу. Его выбила Марина – дочь соседки. За такое проходное вообще платят двенадцать, но мне сделали скидку, уж очень понравились работы начальнице.

– Скажу сразу, – вздохнула она, – свободы творчества здесь нет, но ты выставь на продажу и как примеры. Но чаще всего заказывают портреты и аквагрим. За них и платят.

– Мне подходит, – улыбнулась я. – Рисовать для души я могу дома, а если за портреты платят, то буду работать. Не волнуйтесь, я умею ладить с людьми.

Да... умею, это точно. Только не разбираюсь в них.

Заработок сезонный, но зато можно откладывать. В хороший солнечный выходной можно заработать несколько тысяч. На самом деле я благодарю Бога за возможность найти эту работу, потому что с ее появлением мы с Элькой стали лучше питаться и смогли одеться к зиме.

Ну и, конечно, я откладывала. Сначала, получив за неделю половину оклада оператора на почте, я растерялась. Никогда таких денег не видела, даже мелькнула мысль купить что-нибудь дорогое, для души. Или какую-нибудь модную классную игрушку для Эли. Но быстро взяла себя в руки, ограничилась ананасом и куклой, а остальное стала откладывать на черный день. Придет осень, за ней зима, и до весны с заработком будет похуже. Может, будут падать курсовые, а вдруг нет?

Я рисую не одна, на линии вдоль главной аллеи еще три художника. Один рисует шаржи, второй портреты, а третий расписывает желающих хной и индийскими узорами. В перерыв мы часто ходим друг к другу поболтать, так что на олимпийке у меня болтается значок с забавной мордой-шаржем, а все руки покрыты оранжево-коричневыми завитками и узорами.

Одна из мам, оставляя мне ребенка на портрет, живо интересуется мехенди и спешит к мастеру, получая заверение, что никуда от меня ребенок не денется.

Пусть это немного не то, о чем я мечтала, но все же работа, связанная с рисованием. А значит, я получаю от нее удовольствие и отдыхаю душой.

Так погружаюсь в рисунок, что не замечаю происходящее вокруг. Лишь краем глаза вижу, как кто-то ходит вдоль ряда моих картин, рассматривая каждую по несколько минут. Мне хочется рассмотреть этого человека, прочитать в его глазах вердикт о моем творчестве, но нужно рисовать и присматривать за девочкой.

Мне вдруг становится как-то страшно, что ли. Или волнительно? Человек все не уходит, стоит. Ждет, когда я закончу?

Наконец портрет готов, я получаю деньги и убираю их в карман. Счастливые мама с дочкой уходят развлекаться дальше, а я вытираю кисть и поднимаю голову.

Сердце останавливается, когда встречаюсь взглядом с бесцветными глазами.

Нет... Нет! Это не может быть он, не должен... прошло десять месяцев, и я отсчитала каждый, зачеркнула в календаре, а с приходом весны вдохнула полной грудью. Я выжила, выкарабкалась и наладила все. Не может же он все разрушить...

Стоп! Спокойно. Он просто шел мимо и заметил меня. Поздоровается и уйдет, а если я не выдам страх, то уже к вечеру забуду об этой встрече, словно ее и не было.

– Сколько эта стоит?

Он показывает на картину сказочного замка в облаках, на рассвете.

– Пятьсот рублей, – нехотя отвечаю я.

Он вальяжно проходит мимо картин и садится в складное кресло, которое явно не соответствует ни его статусу, ни размеру. Он смотрится в нем до ужаса странно.

– На заказ рисуешь? – спрашивает он.

Я украдкой оглядываюсь, ожидая увидеть охранников, как в тот вечер, но, похоже Сергей в парке один. Действительно случайно шел мимо, или...?

– Мне кажется, вам лучше уйти. – Я набираюсь смелости и говорю ему это в лицо.

– Я сам решаю, что мне лучше. На заказ, спрашиваю, рисуешь?

Он ведь видит табличку рядом со столом, прекрасно видит, что там написано "рисунки под заказ", но все равно хочет, чтобы я ответила. Хочет, чтобы подчинилась.

– Да, рисую.

– Хочу заказать постер. В новый дом, я делаю ремонт, переехал после развода.

– Вам лучше обратиться в профессиональную арт-мастерскую. Там нарисуют качественно и под стиль ремонта.

Стараюсь не смотреть на него, поэтому перебираю кисточки и аккуратно складываю краски.

– А я хочу, чтобы ты нарисовала. Аванс.

Он кладет на столик пяти тысячную купюру. Я злюсь, потому что понятия не имею, как себя вести. И мне страшно в его присутствии, коленки дико дрожат.

– Мне нужно знать, что рисовать...

– Себя.

Я роняю кисточку и поднимаю глаза.

Черт.

Насмешка. Интерес. Азарт. Да он же играет со мной, как кошка с мышкой! И в конце скорее всего съест или просто задушит, ради веселья.

– Нарисуй себя, ты красивая. Не хочу модель из интернета. Не хочу шлюху по вызову у себя на стене. Нарисуй себя.

Он молчит и вдруг добавляет:

– Без одежды.

– Нет! – отрезаю я.

– То есть ты не принимаешь заказ?

– Разумеется, нет! Вы ненормальный!

– Тогда я сейчас забегу к директору, она моя хорошая знакомая, скажу, что незачем держать место для человека, который отказывается работать.

Я цепенею, не веря ушам. Он что, действительно может это сделать? Оставить меня без работы, потому что захотелось поиздеваться!

– Хочу черно-белый рисунок, – безмятежно продолжает Сергей. – Материал любой, какой тебе удобнее. Все остальное на твое усмотрение, но не пытайся меня поймать на слове. Без одежды – это значит обнаженной. Ничего лишнего. Только твое тело, никаких предметов, которые помешают мне любоваться природной красотой.

Я сижу, замерев, не верю, что это действительно происходит со мной. А Сергей тем временем поднимается и говорит:

– Приду в воскресенье. Четыре дня тебе хватит на небольшую картинку. Получишь остальное.

– Я не буду...

– Подумай, малышка, потому что я или вместе с рисунком сяду в машину и уеду, либо без рисунка загляну на огонек к директору. И уедешь ты. Береги голову, жарко сегодня.

Он уходит, а я роняю голову на руки и в бессильной злости сжимаю кулаки.

С природой мы подруги. Через десять минут дождь разгоняет и без того немногочисленных посетителей парка. Я быстро убираю все инструменты и бегу под крышу. Обычно, в таких ситуациях, я жду полчаса и, если погода не исправляется, уезжаю домой. Большинство отменяет планы сходить в парк, если за окном беспрестанно льет дождь.

Сборы немного отвлекают. Когда я уже сажусь в трамвай, мне звонит воспитательница из Элькиного сада:

– Евгения Михайловна, Элиночка что-то плохо себя чувствует, ее бы забрать.

– Что ж, я как раз освободилась и уже еду к вам. Что-то серьезное?

– Температура поднялась, да она с утра вялая какая-то, на прогулке почти не играла. Медсестра горлышко посмотрела, но, вроде, не красное. Наверное, вирус подхватила.

В душе поселилось беспокойство. Какие вирусы летом? Это же не осень, когда приходят первые ветра, не весна, когда после шести месяцев снега хочется тихо умереть в уголке. Но Элька редко болеет, так что я быстро успокаиваюсь. Беру в аптеке леденцы от горла, капли в нос – дома кончились, витамины, грудной сбор и заодно жаропонижающее, на всякий случай. В супермаркете плачу за две пачки замороженной клюквы, и...

– Сто одиннадцать девяносто, – говорит кассир.

В кошельке только сотня. Блин. И на карточке ничего нет, перед выходом я заплатила за коммуналку, а сегодня заработала всего ничего. Только оранжевая пятитысячная лежит, но ее я запретила себе трогать.

– Тогда давайте один пакет, – говорю.

Мне всегда почему-то в такие моменты неловко. Вряд ли это дело кассира, хватает ли у меня денег, но ее неудовольствие буквально сносит меня с ног.

Я забираю из садика Эльку. Она и впрямь вялая, горячая и капризная. Сначала Элина капризничает и мне приходится читать ей сказки, а потом, когда температура поднимается выше тридцати восьми, я даю ей сироп и укладываю спать.

Ненавижу такие простуды. Они всегда вызывают иррациональную панику.

Солнце уже заходит, когда племяшка засыпает. Я выхожу в кухню, делаю себе чай и думаю. Думаю, думаю, прокручивая в голове сегодняшнюю встречу. Потом подхожу к зеркалу и долго смотрю в него, игнорируя сгущающуюся тьму.

Зачем ему мой рисунок? Зачем ему рисунок со мной?

Такие, как этот Сергей, покупают картины у настоящих художников. Возможно, даже старинные. Они любят роскошь, а еще редко понимают в искусстве. Скорее для них важен статус, имя.

У меня нет ни того, ни другого, а значит, Сергею хочется лишь поиграть. Ему не нужна моя картина, не нужна я, нарисованная на листе. Ему нужно, чтобы я сломалась, протягивала ему рисунок и прятала глаза, как прятала почти год назад, когда он буквально растоптал мою первую любовь.

Могу ли я отказаться? О, да, верну ему деньги при встрече в воскресенье. И что потом? Насколько ценна для меня работа?

Сезон продлится еще три с половиной месяца. Найти работу, которая даст мне такой же заработок с таким графиком я не смогу, это бесспорно. Найду ли что-то близкое? Получится ли? Сейчас все более-менее подходящие вакансии заняты студентами.

До сезона курсовых еще почти полгода, раньше ноября народ не очухается. Хватит ли нам запаса дожить до осени?

Я тяжело вздыхаю и грею руки о кружку с чаем. Холодно. Но на улице лето, поэтому мороз по коже не от ветра и не от ночной прохлады. Просто я не знаю, что делать. Согласиться на условия Сергея мне видится унижительной слабостью. Но отказаться значит вступить в борьбу, где я заведомо слабее. И где может пострадать моя Элька. А ведь я ей обещала, стоя у свежих могил обещала, что мы будем вместе и все будет хорошо.

Мне хочется выпить, но алкоголя в доме нет. Я так и не могу принять решение, откладывая его и буду откладывать до самого последнего момента. Просто беру лист бумаги, уголь и начинаю рисовать. Сначала контуры, схематичные линии. Потом комкаю лист и выбрасываю. И снова, и снова.

Пью крепкий кофе, проверяю Эльку, но она крепко спит.

К черту все. К черту, даже если он у побегушках у этого Сергея!

Потом снова бесконечные метания по комнате. И сна ни в одном глазу. И уже под утро я беру новый лист, чуть мешкая, расстегиваю рубашку и встаю перед зеркалом.

Да, я слишком слабая, чтобы бросаться в битву с ним.

Но может, смогу быть достаточно хитрой, чтобы проиграть на своих условиях?

На коленях стоит красивая молоденькая секретарша. Новенькая, он взял ее на той неделе. Рыжая такая, крашенная, конечно, но зато не путает Австрию с Австралией, как предыдущая, которая чуть не отправила его на randevу с кенгуру. И сосет хорошо, с удовольствием.

Надо бы расслабиться, старается девка, бонусы отрабатывает. Горячий язычок порхает по напряженному члену, а сверху открывается вполне приятный вид на ложбинку меж полных грудей.

Сергей ее еще не трахал, оставил на десерт. Трахнет в пятницу вечером, заодно откроет бутылочку вина, привезенную недавно приятелем из Франции, закажет сырную корзину и как следует отдохнет. Сейчас еще утро вторника, а он уже представляет, как тошно будет возвращаться домой на целые выходные.

Снова работать не вариант, от работыдохнут кони, а мужчины под сорок не простодохнут, а ловят инфаркты и инсульты. На тот свет он не стремится, рано еще. Так что как-то придется себя занимать.

Или, может, в отель? И рыженькую с собой. А к рыженькой еще Ольгу из салона, она способна завести любую скромницу.

А еще можно махнуть в Европу, только хрен оставишь и дом, и ремонт и Костю.

Он вдруг ощущает, что готов кончить, закрывает глаза и...

Как наваждение в памяти всплывают другие волосы, не такие яркие, каштановые, мягкие и растрепанные. Другие губы, другая кожа. Запах и стоны. Оргазм вспыхивает ярко, почти больно. Сердце с силой бьется в груди.

Сергей открывает глаза. Рыжая довольно улыбается, думая, что постаралась сегодня. Как хоть ее зовут-то?

– Ты пробовала когда-нибудь втроем?

Страх. Тоже наркотик своего рода. Страх и секс – популярный коктейль, так что на глупине очаровательных зеленых глаз рыжей горит огонек любопытства.

– С девушкой, – уточняет он.

– Нет...

– В пятницу попробуешь. Можешь идти.

Она наспех собирает волосы в хвост, забирает грязную чашку из-под кофе и уже идет к выходу, как вдруг Сергей ее окликает:

– Знаешь, что... вызови-ка Савельева.

– А кто это?

– Да так. Уборщик один. Позвони завхозу, пусть пришлет.

Еще одна чашка крепкого кофе. На работу не стоит. Ладно, будет день безделья, завтра отыграется на совещании.

Через минут сорок в дверь робко стучат. Надо же, как растерял прыть и наглость. Почти год ишачит, и еще столько же впереди. Нет, все-таки он к этому поганцу слишком добр. Лет двадцать назад за подобное топили, предварительно залив ноги в тазу бетоном. А сейчас всего лишь полы моет, да еще и не с самой плохой зарплатой.

Ничтожество.

– Ну, – Сергей не счел нужным оборачиваться, – как работается?

– Нормально. – Савельев мнетя, не знает, куда себя девать.

– Зарплата как? Питание? Расходники выдают?

– Да, Сергей Васильевич, нормально все.

– Ну и славненько. Расскажи-ка мне про девчонку.

Он спиной чувствует, как парень замирает. Он прекрасно все понял, но еще делает вид, будто не припоминает. Значит, еще что-то есть внутри. Только не плевать ли, что там тлеет. После того, что он сделал, девка его не простит.

Дурак, так просрал свой шанс. О любви Сергей не знает ничего, ровным счетом. Только о сексе, удовлетворении потребностей, какие вообще только могут быть у человека. Но уж за слабую, за девчонку, зависящую от него, пусть она последняя блядь и стерва, он все равно будет стоять до последнего. А этот отдал, как игрушку. Мол, я бы и сам поиграл, но раз ты старше, сильнее, богаче, то возьми, только не бей.

Если бы грудью закрыл ее, легко бы отделался, придурок.

– Не прикидывайся дауном, девка твоя, которую я трахнул, что о ней знаешь?

– А з-зачем вы...

– Да бля, Савельев, почти год работаешь, а еще не уяснил, что на мои вопросы надо отвечать? Тебе мама в детстве не говорила "закрой рот и ешь суп"? Вот я тебе сейчас говорю: закрой хлебало и отвечай на вопрос.

Он сглатывает и отводит глаза. Трус. Красть смелости хватило, а отвечать за последствия уже увы.

– Женька она... Женя Липаева. Живет на проспекте Победы, дом два, квартира семнадцать. Воспитывает племянку, Элинку.

– Одна воспитывает?

– Да. Там все погибли в аварии. Она была студенткой. Забрала ребенка, оформила опеку и воспитывает. Там сложная ситуация, у девочки из родственников только дядя-наркоман. Устроил из квартиры притон, на юристов денег не было, даже не знаю, что там сейчас.

– И где она?

– Я не знаю, мы же не...

– Да все ты знаешь, – морщится Сергей. – Говори.

– А вы что...

– Блядь, Савельев, я тебя сейчас пепельницей отмудохаю, не трать мое время.

– Я правда не знаю! Она в парке работала... в начале лета. Рисовала. Она на архитектора училась и школу художественную заканчивала. А сейчас работает, курсачи пишет и в парке рисует.

– Свободен, – бросает он.

– Да, Сергей Васильевич.

Даже смешно становится: из кабинета вываливается жопой вперед, как из покоев султана. Зато теперь понятно, чего эта Евгения на такого позарила. Для девки с ребенком она почти отхватила себе неплохую партию.

Он вдруг поднимается, сам до конца не осознавая, что будет делать. Достает мобильник.
– Рома, машину подай мне ко входу. За руль сам сяду. Быстро давай.

И впрямь в парке. Рисует какую-то муть, сосредоточенно так, будто шедевр ваяет. И получает за него пару сотен. Да-а-а...

Вообще картинка простая, как лимон. Девка, симпатичная за счет молодости и невинности (если вообще была и впрямь девственницей, когда они встретились), плюс простота на контрасте с разрисованными шлюхами дает нехилый плюс. Одета бедненько, в футболку и шорты. Длинные стройные ноги вытянула на бордюр, откинулась на спинку стула, отчего грудь соблазнительно приподнялась.

Несмотря на то, что меньше часа назад Сергей отпустил рыженькую, он вдруг чувствует, как напрягается член. Определенно эта Евгения привлекает внимание, волнует. Особенно тем, что ему не нужно представлять ее обнаженной, этот образ стоит перед глазами, словно и не прошло столько времени. Достаточно лишь представить, как он разводит ее ноги, кусает полные губы и вбивается в тело, вырывая у нее сладкие стоны.

Придется признать: эта Евгения его зацепила. Надо же, почти не вспоминал дурочку, а тут накрыло.

Еще несколько минут он смотрит на нее, до тех пор, пока не подходят новые клиенты: мама с дочкой. Девочка садится на стул, а мать уходит бродить по торговым лоткам, коих в парке как грязи.

Мгновенно в голову приходит идея.

Он поиграет. Совсем чуть-чуть, чтобы еще раз ощутить ее трепет, заставить показать ему плавные линии тела и немножко встряхнуть душу.

Это как наркотик: сопротивляться просто бесполезно.

Глава третья

Впервые в жизни я жалею, что сегодня нет дождя. Обычно каждый солнечный летний день я встречаю, как подарок судьбы. Ведь можно заработать, а уж если солнечным выдается воскресенье, то и побаловать себя с Элькой чем-нибудь вкусным в случае удачного улова. Но сегодня мне хочется, чтобы все кары стихии обрушились на несчастный городской парк.

Еще до начала смены я ловлю директора в коридоре и, краснея, заикаясь, задаю ей вопрос.

– Ко мне подходил человек... мужчина. Интересовался картинами, сказал, что он ваш знакомый. Кажется, его зовут Сергей Викторович... или Васильевич, как-то так. Вы его знаете?

– Да, один из наших спонсоров, Сергей Серебров. Интересовался твоими картинами? Это очень хорошо, детка, Сергей Васильевич – очень видный человек в городе, институтский друг мэра. Если заинтересуешь, то продвинешься на самый верх.

Она многозначительно поднимает брови, а я вздрагиваю, когда доходит смысл. Нет. Самый верх мне не нужен. Мне хватает низа, уютной норки, лишь бы никто не ломал ее ногами просто ради веселья.

Я не вдаюсь в подробности нашего разговора, а просто беру свои инструменты и сажусь на привычное место. Руки дрожат, к горлу подкатывает тошнота. Я не смогла утром позавтракать, даже кофе в себя не впихнула.

Мне адски страшно, так сильно, что хочется встать и сбежать на край земли.

Но я рисую. Бесконечные кошачьи мордашки на детских лицах. Яркие летние портреты на листах бумаги. Солнышки и бабочки на пухлых щечках. Сердца на руках влюбленных. Я рисую и с каждым мазком кисти успокаиваюсь.

Его все нет. Чем ближе к вечеру клонится день, тем больше клиентов, и вскоре я погружаюсь в абсолютно рабочую атмосферу, забываю обо всем. Стискиваю зубы и работаю, в несколько раз быстрее и усерднее. Улыбаюсь, принимаю оплату, рисую, мою кисти и снова рисую. Назло всему, назло судьбе и ее хозяину.

Наконец поток клиентов иссякает. Нужно собираться и бежать за Элькой, сегодня она у соседки и невежливо задерживаться в выходной день. Но на пару минут я закрываю глаза и откидываюсь на спинку кресла. Как назло забыла сегодня "Визин", а после целого рабочего дня в глаза словно насыпали песка.

Нельзя засыпать. Едва я чувствую, что начинаю проваливаться в дремоту, сразу же заставляю себя очнуться.

А открыв глаза, подсказываю, потому что напротив сидит Сергей. Как он сумел так бесшумно подойти? У меня сбивается дыхание.

– Думала, я не приду?

– Рабочий день кончился.

– Однако я хочу получить свой заказ. Я доплачу за десять минут сверх твоего рабочего времени.

Плачу... он все привык покупать. И самое мерзкое, что почти все продается. И я не исключение.

Забавно получается. С одной стороны лежит сумка, в которой свернутый в трубочку, рисунок. С другой, на подлокотнике кресла, висит куртка, а в ней свернутая пятитысячная купюра. Я так и не смогла определиться в решении.

Он словно читает мои мысли.

– Если ты сейчас снова собираешься завести шарманку о том, что не будешь делать заказ, завтра можешь не выходить на работу.

Молчу. В открытом противостоянии мне не победить. Остается только сделать вид, что мне плевать на него. Плевать на его заказы. Это просто работа, и ничего больше. Кто-то снимает порно. Кто-то снимается в порно. Кто-то – модель откровенных фотосессий. А я просто рисую.

Отдаю ему работу и начинаю складывать краски, кисти и бумагу в папки и коробки.

Медленно, бросая на меня насмешливые взгляды, Сергей развязывает белую тесемку, разворачивает рисунок и внимательно смотрит.

Я объективна к себе. У меня нет особого таланта или какого-то божественного дара. Я не создаю шедевры. Я просто неплохо технично рисую. В художке я мгновенно схватывала все, что мне преподавали, создавала практически идеальные реплики. Но никаких озарений, вдохновений или жутко оригинальных идей мне в голову не приходило. Больше всего я любила рисовать с натуры: пейзажи, людей, животных. Лишь изредка, вдохновленная книгой или сериалом, бралась за фантастические миры из красок.

Поэтому рисунок для Сергея я тоже написала технично. Издалека в обнаженной девушке, сидящей так, что колени и руки скрывают всю наготу, сложно заподозрить меня. Слишком уж непривычным для любого моего знакомого покажется образ с растрепанными волосами. Наверное, рисунок даже стильный. И, пожалуй, в определенном интерьере он бы смотрелся неплохо.

Но мне плевать. Пусть, если хочет, и впрямь вешает голую меня на стену, только уйдет уже и снова исчезнет из моей жизни.

– Неплохо. Сначала хотел отругать за то, что юлишь, но, пожалуй, граница между пошлостью и эротизмом мне нравится.

Он достает из внутреннего кармана пиджака бумажник.

– Не нужно, – глухо отвечаю я. – Вы уже заплатили. Рисунок углем больше не стоит.

– Я сам назначаю цену, – усмехается он.

Кладет в мою папку еще две пятитысячные и снова сворачивает рисунок. Я почти заканчиваю сборы, остается только унести все в кабинет, запереть дверь и бежать к метро. Или вызвать такси? Уж очень хочется оказаться побыстрее дома. А еще зайти в супермаркет, купить Эльке ее любимый киндер, а себе – бутылку игристого. Не смогу сегодня работать.

– Стой, – вдруг говорит Сергей, когда я уже собираюсь было сложить стул и стол. – Я еще не закончил.

Я замираю над столом. Ощущение грядущих неприятностей скручивает внутренности в тугую узел. Ничего не могу с собой поделать. Знаю, что ему это нравится, но не могу успокоиться.

– Что вам еще от меня нужно?

– Рисунок, разумеется.

– Вы ремонт делаете или галерею открываете?

– Это мое дело. Дом большой.

– И вы его весь хотите голыми бабами увешать?

– Почему во множественном числе? Меня интересуешь ты в качестве натуры. Одна-единственная героиня моей галереи.

– Звучит пошло.

– Да плевать. Это был пробный заказ. Сейчас ТЗ усложню. Отбрось куда-нибудь свою скромность и нарисуй что-нибудь... поэротичнее.

– Слушайте! – взрываюсь я. – Хватит! Я не хочу рисовать вам порнуху, ясно? У меня есть ребенок, она не должна этого видеть.

– Милая моя, – его взгляд становится жестче, и без того жуткие глаза окончательно приводят меня в ужас, – меньше всего меня интересует, как ты строишь воспитание своего

ребенка. Я делаю заказ, получаю работу и хорошо за нее плачу. А еще в твоём возрасте пора знать, чем эротика отличается от порнографии.

Он вдруг делает шаг ко мне, я невольно отшатываюсь и чуть не сношу столик.

– Но если хочешь, я тебе объясню.

Прежде, чем у меня вырывается "нет!", Сергей разворачивает меня к себе спиной и прижимает к груди. Его горячее дыхание обжигает ухо и шею, я пытаюсь вырваться, но даже на миллиметр не могу сдвинуть стальные напрягшиеся мышцы.

Он хочет, чтобы я слушала, что он говорит.

– Я хочу динамики, понимаешь? Чтобы ты не позировала для рисунка, а поймала мгновение. Хочу смотреть на лист и представлять, что было до этого мгновения. И что будет после. Нарисуй...

Сергей, продолжая крепко меня сжимать, берет мою руку в свою и медленно ведет от плеча к груди, а затем легко сжимает. Вторая рука ведомая им скользит по животу и останавливается на пуговках шорт.

– Нарисуй, как ты себя ласкаешь. Сохрани свое чувство меры, – его голос мне вдруг не к месту напоминает чеширского кота, упивающегося своей уникальностью, – но расскажи мне историю.

Он нажимает на мою руку, лежащую между ног, и я вздрагиваю от странного ощущения, пронзающего тело.

– Здесь же парк!

– Вокруг никого. А я хочу настроить тебя на нужную мне атмосферу.

– Пустите меня! – в голосе уже никакого возмущения, только мольба и отчаяние. – Я нарисую вам, нарисую все, что скажете!

– Конечно, нарисуешь, – его бархатистый голос, – и я помогу тебе поймать нужный образ.

Сейчас он скорее помогает мне заработать сердечный приступ, потому что с кровью уже разносится по телу коктейль из адреналина, злости, беспомощности и проклятого, зарождающегося внизу живота, тягучего удовольствия.

Ненормальная! Психопатка!

Надо к психиатру. Срочно. Только где ж денег на него найти?

И еще надо освободиться. Только этот не отпустит, пока не получит свое.

Горячая ладонь на контрасте с вечерней прохладой буквально обжигает. Я закрываю глаза, отключаюсь и не думаю ни о чем, кроме того, что нужно немного потерпеть, и он уйдет. Отпустит, если я не буду отвечать.

Но проще сказать, чем сделать. Под медленными, немного грубыми движениями моих же собственных пальцев, находящихся во власти Сергея, я чувствую, как каждую клеточку тела охватывает жар. Сладкие спазмы внизу живота отключают мне мозг, эти ощущения сильнее, чем разум, сильнее, чем страх.

Я даже не думала, что можно так откровенно касаться просто через одежду. И что я способна на такую реакцию, да еще и в руках... у него.

Ноги подкашиваются от внезапной волны дрожи и спазма там, где наши руки сплелись в единое целое. Я бы, наверное, не удержалась, если бы не стальная хватка Сергея. Кажется, сердце и дыхание никогда уже не придут в норму, а меня не выпустят на свободу, но, наконец, его руки разжимаются. И я делаю неуверенный шаг в сторону.

– Заберу заказ в воскр...

Мир вокруг начинает вращаться, я пытаюсь опереться на столик рукой, но промахиваюсь и внутренне сжимаюсь в ожидании встречи с асфальтом. Но руки мужчины снова подхватывают меня.

– Что за... ты что, больна?

В голове шумит, а к горлу подкатывает тошнота. Черт, я же не ела почти сутки, просто не могла перед встречей с ним, а сейчас голод догнал и накрыл.

– Все нормально, – нахожу в себе силы ответить.

Тянусь к рюкзаку и достаю гематоген, который всегда лежит в кармашке на такой случай. Наверное, каждый, кто умудрился в универе посадить себе желудок меня поймет и вспомнит эту голодную тошноту и следующую за ней боль в качестве расплаты. Врач говорила мне есть немного, но часто, маленькими порциями раз в два-три часа, но я, конечно, не слушалась.

– Понятно.

Сергей вдруг подхватывает меня под руку и тащит к машине.

– Что вы... куда вы меня везете?!

– Ужинать.

– Я не хочу ужинать, тут мои вещи!

Он силой впихивает меня на заднее сиденье черного мерседеса, затем возвращается за вещами и все складывает в багажник.

– Выпустите немедленно! Мне нужно домой! Меня ждет ребенок!

– Значит, в твоих интересах не мешать мне вести машину, потому что если мы сейчас из-за твоих воплей въедемся в столб, к ребенку ты точно не попадешь.

– Вещи нужно оставить на складе...

– Завтра мой водитель их заведет.

– Но...

– Пристегнись.

Спорить бесполезно. Я щелкаю ремнем и смотрю в окно, на сумерки, сгущающиеся над городом.

Во что я вляпалась? И что мне теперь делать?

Немного успокаиваюсь, когда понимаю, что мы едем в мой район. Хоть только на несколько минут, потом сердце пронзает тревогой. Откуда он знает, где я живу? Не случайно ведь привез!

Хотя... что значит откуда? Если он друг мэра, да еще и действительно не беден, то наверняка выяснил обо мне все, чем интересовался. И я действительно в ловушке, из которой и выхода-то нет. Но не может же он контролировать весь город! Где-то есть работа, над которой у Сергея нет власти. Поискать, что ли...

Мы останавливаемся у одного из итальянских ресторанов. Мимо него я каждый день хожу к метро, но внутри ни разу не была. Не сказать, что ресторан шикарный, просто я уже давно отвыкла от таких развлечений.

– Слушайте, – делаю последнюю попытку отбиться, – тут рядом мой дом, спасибо, что подвезли...

Он как танк. Закрывает машину, идет к пассажирской двери и вытаскивает меня наружу. Интересно, а если нас заметит полиция, его заберут в отделение за похищение?

"Ага, похищение через ресторан", – мысленно смеюсь сама над собой.

Внутри довольно уютно. Мне кажется, так и должен выглядеть типичный итальянский ресторанчик, стилизованный под узкую улочку в каком-нибудь Риме или небольшом курортном городке.

Мы садимся за дальний столик, Сергей делает жест рукой для официанта и он тотчас подходит.

– Девушке что-нибудь побыстрее. Мне кофе.

– Карбонару желаете?

– Д-да, спасибо, – нервно киваю.

И против воли сглатываю слюну, потому что до жути люблю макароны. И сейчас снова отключусь от голода. Даже если он меня отпустит домой, я, может, и не дойду до дома. Хотя куда денусь?

– Меня действительно ждет ребенок...

– Значит, будешь есть быстро.

– Зачем вы со мной играете? Это что, весело? У вас нет дел вечером в воскресенье?

Сергей молчит. Приносят кофе, мне со взбитыми сливками и молоком, а ему обычный черный. Я едва удерживаюсь, чтобы не поморщиться, видя, как он делает большой глоток прямо так, без сахара. Да еще и горячий, аж пар над кружкой. Терминатор он, что ли?

– Не хочешь спросить, что там с ним?

Вопрос застает врасплох. Я замираю, сжимаю чашку крепче, чтобы не опрокинуть из дрожащих рук. Конечно, я прекрасно понимаю, о ком он.

– Нет. Не хочу.

– Не интересно?

– Мы расстались.

– Сразу?

– Да.

– Почему?

– Сами не догадываетесь? Такое не прощают.

– Ну так трахнул-то тебя я. В его глазах. Или ты развеяла его убеждение?

Я чувствую, как заливаюсь краской и жалостью к самой себе.

– Мне не хочется об этом говорить.

– А мне интересно.

– И что, я должна делать все, чтобы вы не скучали?

– Полчаса от тебя не убудет. Так расскажи мне, Евгения Липаева, почему же вы расстались? Неужели ты из тех девушек, которые убеждены, что мужик должен умереть, но не сдаться перед лицом опасности?

А теперь я злюсь, потому что он или издевается или ни черта не понимает!

– Дело не в том, что кто-то должен умереть. Дело в том, как он себя ведет перед этим лицом.

– Отделаться малой кровью – самое разумное решение.

– Для него да.

– Ты тоже, вроде, не особо пострадала.

– Исключительно потому что вы любите мучить добычу прежде, чем сожрать.

Приносят огромную тарелку нереально пахнущих макарон в сливочном соусе. И это не порошковая смесь, залитая молоком. Это действительно ароматный нежный соус. Ломтики бекона золотистые, как из рекламы. И в довершении небольшая мисочка с тертым пармезаном.

– Ну, добыча, – хмыкает Сергей, – мучайся.

Все равно он не отстанет, поэтому я сдаюсь и ем. Стараюсь, конечно, делать это равнодушно и отстраненно, но... это дико вкусно. Чуть твердые макароны в нежном сливочном соусе, золотистый сытный бекон и сыр. Не дешевый кусок из пальмового масла и ароматизаторов, а настоящий твердый пармезан, который лишь чуть расплавляется на горячих макаронах, но не скатывается в бесформенную массу. Порция такая огромная, что я чувствую, как объедаюсь. Но оставить на выброс такую вкуснотищу – настоящее преступление.

Мне немного неловко, потому что Сергей все это время на меня смотрит. Потягивает кофе, откинувшись на спинку дивана и смотрит, прожигает своими стальными глазами. От этого взгляда внутри что-то сжимается.

– А ведь это он сказал, где тебя найти.

Мне с трудом удастся сохранить спокойствие.

– Ничуть не сомневалась.

Откуда Дэн знает, где я работаю? Следит? Какого черта ему нужно после того, как он меня предал?

Я, наконец, заканчиваю с ужином.

– Благодарю, очень вкусно.

Официант подходит, чтобы забрать тарелки с чашками и ставит передо мной десерт. Но я при всем желании не смогу его съесть, о чем и говорю мужчине. Тот вглядывается в меня, словно пытаюсь понять, вру или нет.

Наконец, решает, что не вру.

– Упакуйте, – бросает официанту.

– Это лишнее, – говорю я.

– Я уже заказал. Хозяин вычтет из зарплаты официанта, если ты откажешься.

– Тогда давайте я заплачу за свой ужин сама, это будет правильно...

Он смеется, но как-то недобро. Сергею не очень-то весело, а мне и подавно.

– Хочешь расплатиться, пошли в машину, отсосеешь.

Я вскакиваю со стула. От того, чтобы залепить ему пощечину, меня отделяет стол и слава Богу, потому что чутье подсказывает: такое Сергей не простит. И разотрет меня в порошок.

– За кого вы меня держите?!

– Не хочешь? Жаль. Тогда будем считать счет моей проблемой. Свободна до воскресенья. Про заказ не забудь и подойди к его выполнению... внимательно.

Официант подходит с крафтовым пакетом, в котором контейнер. Мне хочется сбежать отсюда, но... я чувствую затылком пристальный взгляд и, поддаваясь интуиции, беру десерт. Выхожу из ресторана, вдыхаю полной грудью вечерний воздух.

Хочется выбросить пакет, избавиться от всего, что напоминает о новой встрече с Сергеем. Но я понимаю, как обрадуется Элька гостинцам, и просто спешу к родному кварталу, в огромный двадцатипятиэтажный "человеиник", где тепло и маняще горят знакомые окна.

Элька не дождалась, уснула после того, как весь день бегала во дворе. Сегодня у тети Маши дома Марина, ее дочь. Марина фактически живет на два дома, помогая старенькой тете Маше и снимая однушку где-то на окраине с парнем. Она учительница музыки, так что тоже не шикует.

– Заходи, Женек, я борщ сварила, сейчас поужинаем.

– Да не, Мариш, возьму Эльку и домой.

Но соседка не хочет ничего слушать. Она прекрасно знает, что дома у меня, кроме пакета с ряженкой и Элькиных творожков ничего нет. И не потому что кончились деньги, а потому что в те дни, когда я работаю, я катастрофически не успеваю готовить.

Я не хочу ужинать, поэтому неуверенно вру что-то про девочку-коллегу, у которой был день рождения и которая принесла на работу тортики. Эта версия удачно объясняет десерт у меня в руках, с которым мы пьем чай.

Довольная Элька улыбается мне, вся измазанная в креме и шоколаде.

Мне нравится сидеть на небольшой кухоньке, пить чай из треснутой чашки и маленькой ложечкой есть сладкий крем из общей тарелки. У меня сейчас есть что-то очень важное, теплое и приятное.

У Сергея этого нет. Нихрена у него нет, кроме собственных пороков.

И ничего я ему рисовать больше не буду. А работы в городе полно – как-нибудь выкрутимся.

Глава четвертая

Дом встречает обрыгшей тишиной. Со стороны кажется, что эти пятьсот квадратных метров совершенно необитаемы. Ни одно окно не горит. Рита, домработница, уже легла спать, наверняка оставив для Сергея ужин. А Костя, может, и не спит, но точно не жаждет встречать его с работы.

Будь его воля, остался бы в этом замызганном ресторанчике. Или в парке, там тоже неплохо. А еще лучше в машине уехать куда-нибудь за город, к озеру, и всю ночь там драть эту Липаеву, чтоб ей провалиться. Всю неделю из башки не выходит. Как вспомнилась, как в парке к ней подошел, так и крутит нон-стопом порнуху в голове. С двадцатилетней девчонкой в главной роли.

Докатился, блядь.

В руках рисунок ее. Пятнадцать косарей отдал, чтобы каляку в рамочку вставить. Хотя, конечно, насчет каляки это он со зла. Красивая, дрянь. Неприступная, типа гордая и чистая. Ага, чистая, конечно, оба раза кончила за пару минут только от пальцев. Сущность не спрячешь, можно только прикрыться девственностью, ребенком, порядочностью.

– Костя! – Он останавливается у основания лестницы. – Не хочешь спуститься и поинтересоваться, как у меня дела? Ты вообще ужинал?

В ответ привычная тишина.

– Если ты не прекратишь меня игнорировать, я отключу тебе вай-фай, клянусь!

А, хрен с ним. Все равно не спустится, только время тратить. А может, уже спит.

Проходит в гостиную. На столе ужин, заботливо накрытый полотенцем – Рита старается. Надо будет поднять зарплату, давно не двигал. Вообще здесь есть столовая, но с тех пор, как Сергей сюда переехал, ни разу там не ужинал. Гостиная ему нравится больше, хотя из всех комнат гостиная самая не обустроенная. Не хватает мебели, декора, камин сиротливо стоит без обрамления. Работы непочатый край, только нахрена?

Ужинать не хочется. Он вспоминает, с каким аппетитом она ела какие-то дешевые макароны с сыром. Скрывала, боялась его, делала равнодушный вид, но ела так, что ему на миг захотелось взять вилку и тоже попробовать, что там такого вкусного-то?

Он назвал ее Кисточкой. В мыслях. Уж очень забавно она, когда рисовала, втыкала кисть за ухо. Интересно бы посмотреть, как она рисовала эту картинку. С натуры? Стояла голая перед зеркалом и рисовала?

Так, хватит. Хватит думать об этой девке. О работе, правда, тоже не хочется. Но можно отвлечься в мастерской. Что-нибудь сделать. Очередную ненужную хрень, которую некому подарить. Очередной подсвечник, который он бросит в пламя камина или в костер в саду.

Или рамку для рисунка Кисточки...

Точно. Сделает рамку. И что? Всерьез повесит ее рисунок на стену? А почему бы и нет. В конце концов, в мастерскую никто не заходит. Никто не увидит его маленькую слабость. И не пристыдит за не очень честную, но жутко возбуждающую игру.

Работы нет. Ну то есть она есть, но на неполный день ничего, только дворником или уборщицей. Мне до слез не хочется идти мыть в офисах полы, я люблю рисовать, я люблю выполнять работу, которая приносит хоть какое-то удовольствие. Даже в сортировке почтовых отправок я находила свою прелесть. Но в отделение меня уже не возьмут, там все занято.

По утрам я просматриваю сайты в интернете, газеты с объявлениями, после обеда иду рисовать в парк. До воскресенья еще есть время и я надеюсь оттянуть неизбежный момент, когда придется сказать, что я не выйду на работу. Я решаю сделать это в субботу, чтобы максимально подкопить денег. Мне жутко стыдно, что я вот так ухажу в самый последний момент

но лучше мне будет стыдно, чем Эльке – голодно. Вот уж кто счастливее всех на свете, играет себе, развлекается, да радуется, когда я или Марина с ней погуляем. А еще лучше вместе, ведь чем больше народу, тем веселее.

Она полная противоположность меня. Как внешне – темненькая, курносая, с тонкими губками-ниточками. Так и внутренне, открытая и готовая улыбаться миру. А вот у меня уже улыбки как-то не достает.

Но я твердо решаю не рисовать больше ничего для этого Сереброва. Придется ему смириться с моим решением. Весь город не купит, не настолько он и богат. Я надеюсь... но ведь это только в книжках одержимые миллионеры преследуют свою жертву до тех пор, пока она не сдастся. Он не будет меня искать. Не до того, не станет занятой человек гоняться по городу за девчонкой.

Все это походит на мантры. И чем ближе воскресенье, тем сильнее меня ломает. Проходят четверг и дождливая пятница, которую я всю посвящаю курсовому. Элька играет на ковре, рассадил вокруг себя кукол и устраивает им чаепитие. Надо будет купить малой какую-нибудь новую игрушку, давно не баловала. И на следующее лето обязательно велосипед или самокат. А еще лучше отдать ее в танцы. В школе рядом с нами берут с трех лет, но уж очень дорого, а вот секция в танцевальном клубе через два квартала набирает девочек с пяти. На нее я наскребу, думаю. Постараюсь.

Я так погружена в работу, что не вижу ничего и не замечаю творящегося вокруг. Даже работающий телевизор с мультиками не мешает. В реальность меня вытаскивает дверной звонок.

Обычно я заранее знаю, кто звонит, но сейчас мне чудится в трели что-то нервное, тревожное.

Я ожидаю увидеть, если честно, Дэна. После того как Сергей сказал, что именно он сдал мое место работы, я подсознательно сжимаюсь в ожидании этой встречи. Но на пороге Марина. Непривычно бледная, заплаканная и какая-то потерянная.

– Жень, мама умерла...

Марина старше меня лет на пять, но тетя Маша родила ее очень поздно. И я знала, что пожилая соседка часто жаловалась на сердце, мы вдвоем уговаривали ее сходить к врачу, но...

Я впускаю подругу и усаживаю на кухне, а сама грею чай и жалею, что не держу в доме ничего крепче.

– Я утром пришла, – голос у нее совсем бесцветный, усталый, – ей плохо было, вызвала скорую, но... пока там все оформили, забрали. Представляешь, еще полиция не приехала, а уже звонят ритуальщики, я даже не поняла, как они вообще узнали?

– Надо было пойти к нам, – говорю я. – Вместе бы как-нибудь.

– Да я побоялась Эльку пугать, маленькая еще. Потом поехала в банк. Ну...

Она краснеет и утыкается взглядом в чашку.

– Кредит взять на разное там.

Да. Больная тема для всех, кто живет от зарплаты от зарплаты. Именно из-за страха оказаться в ситуации, когда срочно нужны деньги, а их всего пара тысяч, я и откладываю.

– Не дали? – спрашиваю.

Марина вздыхает. Одного не могу понять, когда читаю в интернете какие-то статьи и смотрю репортажи по новостям о том, как очередная безработная мать-одиночка взяла кредит и не может отдать, как они эти кредиты получают?! Почему Маринке, учительнице с официальной зарплатой, его не дают, а люди без работы вообще, получают миллионы?

– Не волнуйся, – говорю я. – Наскребем.

Беру телефон, чтобы перевести деньги со счета Марине на карту, но она останавливает меня.

– Ты что! Вот я еще у Эльки денег не брала!

– Марин, заработаем. А какие варианты?
– Спрошу на работе, продам какую-нибудь ерунду...
– Ага, квартиру. – Я начинаю злиться. – Кончай. Заказы есть, до осени долго, заработаю еще.

Я перевожу деньги, и у меня снова остается лишь сумма на текущие расходы. Зато привычно. Состояние, когда не знаешь, будет ли на что купить продуктов завтра куда понятнее всех прочих. Даже забавно.

Потом мы долго сидим на кухне, стараясь не плакать, чтобы не расстраивать Эльку. Марина курит, я просто смотрю на тоскливый морозящий дождик, мокрый асфальт. И понимаю, что гордость придется засунуть под диван. Потом, как-нибудь, достану, отряхну и снова надену. Если налезет, конечно.

Я предлагаю подруге помощь, но она отказывается. Мы обе понимаем, что это формальность. Больше, чем деньгами, я помочь не могу. Эльку теперь не с кем оставить, а еще надо работать.

Племяншка самозабвенно играет в куклы. "Прости, солнце", – думаю я. – "С подарком придется потерпеть".

– Элинка, а хочешь со мной на работу? – спрашиваю я. – В парк? Я куплю тебе билет, попрыгаешь на батутах, пока я рисую. А то садик в воскресенье не работает.

– А баба Маша? – хлопает глазищами ребенок.

Ох и красotka из нее вырастет.

– Баба Маша... понимаешь, кроха, она отправилась на облачка и больше не сможет с тобой сидеть.

Думает. Хмурится. А потом выдает:

– Как папа и мама?

– Да. – Я с трудом справляюсь с голосом. – Как мама и папа. Она обязательно передаст им привет и расскажет, как мы их любим.

Элька серьезно кивает. Я ей даже завидую: в этом возрасте все воспринимается проще.

– Так что? Пойдешь со мной на работу? Попрыгаешь на батутах?

– Да! – радостно кивает.

– Тогда давай ложиться спать. Почитаем книжку и будем укладываться, уже поздно.

Потом, когда Элина уже спит, я долго сижу перед компом, машинально листая новостные сайты. Потом делаю кофе. И еще. И еще.

А потом беру папку с листами, уголь и карандаш. Это проклятие такое? Или Сергей Серебров теперь навечно поселился в моей жизни?

Сложно рисовать, когда голова занята другим. Тяжело браться за эротику, когда скорбишь о хорошем человеке. Несколько часов уходит у меня на то, чтобы настроиться. Я сижу с закрытыми глазами и пытаюсь поймать ниточку, которая свяжет меня с рисунком.

Зачем? Намного проще взять в руки уголь и технично, как учили, нарисовать то, что он хочет. Вспомнить, как он ставил руки и что хотел мне показать. Срисовать с образа в голове. Не чувствуя и не проживая. Но так кажется нечестно, а еще внутри живет глупый страх, что почувствует, поймет и... и что? Не примет заказ? Так я вроде этого и хотела. Накажет? Нет, это уже слишком.

Страх перед ним иррационален.

Но я все равно пытаюсь настроиться. И если уж мне нужно нарисовать нечто эротичное, то я буду рисовать это на своих условиях. И вдохновение придет моими путями. Я вызываю в памяти смутный собирательный образ из далеких девичьих мечт. Любящий человек, с которым мы непременно объедем половину мира, встретим десятки новых годов, обсудим сотни книг. И непременно займемся любовью.

Мой первый раз не будет иметь ничего общего с порочностью и издевкой Сереброва. Совершенно точно.

Вот только нежность и романтика никак не хотят стыковаться с тем, что он требует. И как я ни пытаюсь нарисовать желаемое, получается какая-то ерунда.

От кофе бешено колотится сердце и шумит в ушах. Наконец, когда утренние лучи касаются темного неба, я сдаюсь. Хорошо. Пусть будет по его.

Снова закрываю глаза и вспоминаю парк. Вечернюю прохладу, усталость после рабочего дня. Руки повторяют движения, которые так напугали и вывели из равновесия. Я почти наяву слышу хриплый бархатистый голос и чувствую запах парфюма.

Рисую. Быстро, пока наваждение не пропало, а пока уголь царапает лист, в глазах стоят слезы. Неужели так теперь будет всегда? Где-то я читала, что эмоции как наркотик. И получив большую дозу, однажды испытав что-то сильное, ты больше не способен чувствовать что-то простое. И неважно, что за эмоция это была. Я так не хочу! Я еще надеюсь, что эта полоса просто закончится и наступят хорошие времена.

Элька уже просыпается, когда я откладываю уголь. Дождь за окном не унимается, и если такая погода простоит до завтра, то мне придется ехать в парк специально, чтобы отдать Сергею рисунок. Смешно, но такая перспектива пугает сильнее, чем просто отдать его во время работы.

Потом, когда Элька усажена смотреть утренние мультики и жевать печенье с молоком, я снова сажусь за рисунок. Чтобы оценить его свежим взглядом и исправить огрехи.

И хоть это неприятно признавать, но мне нравится. На белоснежном листе нарисована девушка. Я. Но от меня там только черты, придающие образу узнаваемость. Мне кажется, девушка получилась намного красивее. И уж точно намного соблазнительнее. Изящная рука лежит на груди, вторая внизу живота, прикрыта приподнятым коленом. Голова откинута назад, она закусывает полную губу, а темные кудри рассыпались по поверхности.

Мне не хватает фона. И хоть заказ был на черно-белую работу, я поддаюсь порыву и беру акварель.

История. Мгновение, у которого есть и прошлое и будущее.

Да, море подойдет, оно хранит много историй.

Ну и погода. После нескольких дней затяжных дождей наконец-то светит солнце, как по заказу, но все равно зябко. И ветер пробирает. Тот, кто с утра не глянул на градусник, жестко просчитался, надев летние вещи.

Кисточка одета тепло, в черную майку, соблазнительно обтягивающую упругую грудь, серую толстовку и светлые джинсы. Напротив нее, на стуле, какая-то жизнерадостная бабулька ждет портрет. Отсюда ему не видно, что получается, но наверняка неплохо. Сергея девушка не замечает, погружена в работу.

Но он уже видит свернутый в трубочку лист плотной бумаги, торчащий из рюкзака, и сердце бьется чаще, а еще медленно твердеет член. Псих он. Как есть. Заводится от одной мысли, что она рисовала себя, вспоминала, как он довел ее до оргазма прямо в парке. Рисовала, рисовала, рисовала. И сейчас отдаст ему этот рисунок.

Даже рамку сделал. Первый уже стоит в ожидании своего места. Будет и второй. Кстати, на удивление вышло стильно. Если бы не откровенность, которой не хотелось делиться, можно было развесить ее картины вдоль лестницы.

Даже мелькнула мысль заказать серию городских этюдов. Но не смог себя пересилить, не смог отказаться от игры.

Ему жутко хочется подойти. Чтобы она почувствовала, занервничала. Закусила губу и нахмурилась. А он бы бродил рядом, в ожидании, когда Кисточка освободится и наслаждался ее волнением.

Он делает шаг вперед и вдруг слышит и даже чувствует хруст под ботинком. Опускает голову и видит девочку.

Она сидит на корточках, вокруг разбросаны машинки и какие-то фигурки. На одну такую он и наступил, на фею с серебристыми крылышками. Девочка темненькая, чисто и тепло одетая. Не ревет, не кричит, молча смотрит на остатки игрушки, а потом поднимает голову и рассматривает Сергея.

Да вот и хрен бы с ней. Развелось мамашек-идиоток. Вот где ее родители? Какого, блядь, хрена ребенок на проходе играет? Пусть скажут спасибо, что он на игрушку наступил, а не на эту шмакодявку.

– Ты почему на дороге играешь? – спрашивает Сергей. – Тебе разрешили разве?

Кивает, уверенно так.

– А если тебя кто-нибудь на велосипеде собьет? Больно будет.

Моргает. Глаза большие, красивые. Вырастет, всех мужиков соберет в коллекцию.

– Ладно, – вздыхает, – пошли. Компенсирую игрушку.

Он протягивает руку и девчонка без каких либо сомнений, собрав в розовую сумочку свои игрушки, за нее берется.

Найдет родителей – раком поставит. Сколько ей? Четыре? Пять? Пора бы уже знать, что с незнакомыми дядями никуда не ходят.

Они останавливаются у ларька с игрушками. Таких, как у нее, конечно, нет. Зато есть куча плюшевых, пистолетов, светящихся палочек и барабан с беспроигрышной лотереей.

– Ну, давай посмотрим, что тут заменит твою фею. Что хочешь?

Очень неуверенно смотрит на прилавок. Не так, как другие дети, которые, почувствовав близость подарка, непременно тыкают в самую крутую игрушку. Нет, эта знает цену деньгам и вещам. О безопасности нихрена не знает, а вот со скромностью все в порядке. Тыкает в какой-то розовый попрыгунчик и, кажется, искренне ему радуется, когда девушка за прилавком отдает покупку.

– Лотерейку ей еще дайте. – Сергей протягивает тысячную. – Сдачу оставьте себе.

Многозначительно смотрит на продавщицу, и та все понимает. И вашим и нашим, и ребенку радость и подзаработает.

– Тяни бумажку, – говорит девочке.

Та засовывает руку в барабан и достает зеленый стикер. Неумело разворачивает, а вот прочитать еще не может. Он зато видит, что на стикере написано слово "ластик".

– Отдай тете, она тебе прочитает.

Девочка доверчиво протягивает девушке стикер, и та делает вид, что читает:

– Ой, как тебе повезло, смотри, какой заяц!

Достает небольшого, но вполне милого мохнатого белого зайца, чем-то напоминающего персонажа "Алисы в стране чудес". Недорогая, но вполне приличная игрушка. Мягкая, шелковистая.

Для него – китайская хрень, а вот ребенок, кажется, видит в ней сокровище. И прижимает к груди, как самую ценную вещь на свете.

– Спасибо, – говорит Сергей продавщице.

Та облегченно выдыхает и прячет купюру в сумку.

Мужчина садится на корточки, чтобы оказаться на уровне девочки и строго говорит:

– А теперь запомни и маме скажи: никогда нельзя ходить с незнакомыми дядями! Купит тебе дядя игрушку, уведет и будет больно, поняла?

Она шмыгает носом. Ну вот, перестарался. Нет, таланта воспитывать детей у него точно нет. А внушительная фигура, коротко стриженные темные волосы и жесткий взгляд их всех пугают.

Тут он вдруг слышит:

– Эля! Элина!

Голос ему знаком.

– Что вы делаете?! – Кисточка подлетает такая разъяренная, что, кажется, готова его ударить.

Лучше бы ей этого не делать.

– Эля, я сколько раз тебе говорила не отходить от меня! Ты почему убегаешь? Я тебя накажу! И мороженого тебе сегодня не куплю.

Уткнувшись в кролика, девочка начинает рыдать.

– Это что такое? Кто тебе дал?

– Успокойся, – говорит Сергей. – Это я ей купил.

Но разъяренная мать куда страшнее изнасилованной девчонки. И пусть Кисточка этому дитю не мать, а он ее особо и не насиловал, все равно перевес не в его пользу.

– Кто вам дал право говорить с моим ребенком?! Забирайте игрушку! Не впутывайте ее!

А вот это он ненавидит. Бабских истерик не терпел и не планирует.

– Я сказал: успокойся. Она играла на дороге, я сломал ее игрушку и купил замену. Будешь орать, тебя же в ментовку и увезут за то, что ребенка оставила.

Ее глаза сверкают яростью. Так вот за кого ты готова убивать, Кисточка. Не за себя. Не за честь и не за гордость, а за ребенка, оставшегося на попечении. Ради него пойдешь против того, кого боишься.

– Элина, больше никогда так не делай, поняла меня?

И вот уже обнимает ее, а у самой глаза на мокром месте. Сорвалась, испугалась, теперь и себя жалко, и испуганного ребенка.

– Что дяде сказать надо?

– Спасибо, – вздыхает девочка.

Элина, значит. Эля.

– Больше так не делайте. Не покупайте ей ничего. И не говорите. Она просто ребенок и не должна ничего видеть.

– Я сам решу, что мне делать. Про опеку я не шутил, если что.

– Подонок.

– Зато с баблом. Заказ забрать можно, Евгения Михайловна?

Они возвращаются к ее столу, и Сергей получает на руки свой рисунок. Медлит, нарочито неспешно развязывает ленту.

Черт. Это сильнее него. Сдерживать возбуждение просто нереально. Она не рисует, она дразнит. И каждый раз бунтует. Не может протестовать открыто, не хватает сил и характера, но каждый раз привносит в рисунок что-то, что так и кричит "Я не твоя! Я тебе не принадлежу!".

– Я, вроде, заказывал черно-белый.

– Я художник. Я так вижу.

Он смеется.

Зато грудь нарисовала. Одна рука закрывает сосок, а второй хорошо видно и так и тянет снова попробовать на вкус, заставить затвердеть.

Ему даже платить ей нравится. Не взять не может, а брать деньги унизительно и тяжело. Колеблется. Смотрит на свою Элину, стискивает зубы и берет две купюры, убирает их в карман.

Что-то изменилось, и не в лучшую сторону. Похоже, появилась нужда в деньгах. Он хорошо умеет различать оттенки эмоций, взгляды. Как ни странно, обычно мужчины довольно твердолобы. Но невозможно не заметить, как она ждет. И не просто ждет, когда он уйдет, оставит ее в покое. А ждет и нервничает. Попросит еще рисунок? С одной стороны нет, мечтает, чтобы он ушел. С другой надеется.

Сегодня он даст ей выбор.

– Что ж, сотрудничество вышло плодотворное. Талант виден невооруженным взглядом. Можем закончить на этом наше сотрудничество. Или...

Он усмехается.

– Я дам еще один заказ.

Вот так, девочка, давай, не подведи. Согласись сама, сама возьми ответственность за то, что ты делаешь.

– Если я откажусь, вы оставите меня в покое? Не будете лишать работы?

– Возможно...

О, нет. Это невозможно. Не оставит, хотя и работы не лишит. Просто придумает новую игру, более волнующую. Можно, например, попросить ее рисовать на нем. Мягкие прикосновения теплой краски к обнаженной коже. Ее руки на нем. И секс прямо в мастерской, среди красок и холстов.

Он становится маньяком. Почему его так переклинило на рисовании, что от одной мысли, как Кисточка рисует, полностью обнаженная, он готов кончить?

Но вместо того, чтобы все это рассказать ей, Сергей берет один из листочков со столика и пишет сумму. Хорошую сумму, пятьдесят тысяч. Для него копейки, для нее, наверное, два месячных дохода.

– Неплохая сумма за рисунок, правда? Я даже не стану ставить условий. Можешь нарисовать в цвете. Пастелью. Акварелью. Хоть детскими фломастерами.

Облизывает пересохшие губы.

– Что нарисовать?

Он оглядывается, чтобы убедиться, что ребенок самозабвенно играет с кроликом и не слышит их.

– Как мы трахаемся. Как я беру тебя на столе.

Жаль, что нельзя записать на камеру, как Кисточка краснеет. И как отводит глаза.

– Я не могу.

– Почему?

– Вы знаете, почему!

Руки нервно сжимают карандаш.

– Возможно. Но вдруг наши версии отличаются?

– Вы знаете, что я никогда этого не делала! И не смогу нарисовать то, в чем не разбираюсь.

Вот черт. Она сейчас его убьет и даже не поймет, что случилось. Все еще невинная. Все еще понятия не имеет, что там, за чертой. И отчаянно этого стесняется, будто быть девственницей – это что-то позорное. Но на самом деле Сергею сейчас хочется взять ее прямо на этом хлипком столике и насрать, сколько народу на них смотрит. Стать у нее первым, наглядно продемонстрировать то, что он хочет на рисунке.

– Я свободен во вторник. Или можем пойти в машину и попрактиковаться там.

Она вспыхивает, но молчит, стискивает зубы. Смотрит на девочку, которая, к счастью, не думает убежать.

Фантазии несутся безудержным потоком. И, словно каменная стена, в мыслях вдруг возникает поцелуй. На секунду представив, как он целует ее, раздвигает полные губы и языком ласкает девушку, ему становится дурно. Не от возбуждения, хотя оно становится совсем нетерпимым. А от злости.

Какого хрена она лезет в его голову со своими поцелуями?

Ни одну из своих шлюх он никогда не целовал. Поцелуй – это власть, только власть обоюдная. Недопустимая.

– Ты что, порно не смотришь? – Он говорит это грубее, чем собирался.

– Вам же не подойдет срисовка с порно. Вы хотите эксклюзив.

Он поднимается, привычно бросает на стол несколько купюр аванса.

- Для начала сделай эскиз, посмотрим, что у тебя получится.
- Вы же сказали, что я могу отказаться.
- Я передумал, – отрезает он. – Рисуй, Кисточка.

Глава пятая

Ненавижу похороны. В последний раз, когда были похороны родителей, моих и Эльки, я думала, вообще не встану, пролежала с температурой целую неделю. Похороны тети Маши проходят, к счастью, проще. Несколько подруг, таких же пожилых, Марина, грустная и несчастная, я и, собственно, все.

Потом мы идем вместе забирать Элю из садика.

– Ну вот. Теперь буду одна, в квартире.

– Ну почему одна, Пашка поддержит. Зато сэкономите на съеме.

Марина усмехается.

– Пашка все. Разбежались. Сказал, что устал жить в нищете, да и вообще я изменилась. Он-то влюбился в музыкальную беззаботную девочку, а жить стал с задолбанной учительницей, стремительно ползущей к тридцатнику.

– Ну и debil, – от души комментирую.

– Жень... – Марина мнетя, будто хочет сказать что-то, но боится. – А давайте вместе жить, а? У нас, в трешке. А твою можно сдавать, ну или наоборот. Я буду с Элькой сидеть, на работу ее брать. Первое время хотя бы.

– Давай, – легко соглашаюсь я.

С Мариной будет проще. И действительно квартиру можно сдать.

– И Эльку играть поучу. Она к нам когда приходит, за пианино садится и рассматривает. Боится на клавиши нажимать, но сидит и смотрит. Я ей детские песенки играю.

– Вот у нас будет картинная филармония-то, – фыркаю.

Атмосфера удушающей тоски немного слабеет. Остаток дня радостная Элька перетаскивает в квартиру Марины игрушки, а я делаю уборку, чтобы дать объявление о сдаче. Мне не жалко: от ремонта, сделанного сто лет назад, уже ничего не осталось, никакой ценной мебели в квартире нет. А дополнительные десять-пятнадцать тысяч в месяц позволят мне купить кучу всего полезного. Например, новые хорошие краски, потому что мои скоро прикажут долго жить. И кисти, и растворители.

За несколько дней Марина, в стремлении заглушить тоску, вылизала квартиру "от и до". Тетя Маша жила одна, так что одну комнату и вовсе не использовала, а во второй только спала. Ее заняла Марина, а пустующую отдала нам с Элькой.

– Можно будет потом взять дополнительную кровать, – словно извиняясь, говорит она, – и поставить ее в гостиной, чтобы вы не жили вместе.

– Мы привыкли.

С Элькой в комнате мне спокойнее. Ненавижу спать одна.

А еще в гостиной мне выделяют стол и кучу места для рисования. Даже есть куда поставить мольберт и не тягать его туда-сюда.

И несмотря на то, что обстановка в комнате старая, советская, помещение светлое и уютное. В одном углу стоит пианино и стул, заботливо накрытый кружевной салфеткой, а во второй – стол, заваленный набросками, мольберт и куча коробок с красками.

– Как все же хорошо, что вы переехали, – улыбается Марина.

Она подходит к столу и, прежде, чем я успеваю среагировать, берет набросок.

Одна из сотни попыток нарисовать то, что просил Серебров. Но эротическая картинка, срисованная с какой-то фотосессии, мало напоминает приличный эскиз.

– Липаева, тебе надо парня, – хмыкает Марина.

– Это не... то есть... это заказ.

– Заказ? – на ее лице отражается удивление. – Жень, во что ты влезла? Что за заказ такой странный?

– Просто постеры. Ничего особенного.

– Ничего?!

Она достает еще один эскиз, и еще.

– Это ничего? Жень, что он от тебя хочет и что заказывает?

– Только рисунки!

– Но... это же ты! На рисунка – ты. А это он, да? Жень!

– Марин, – я закрываю глаза, – он просто заказывает рисунки и хорошо платит.

– Сейчас – да. А что будет потом?

– Не знаю! – Я стараюсь говорить тише. – Я не знаю, Марина, но что мне делать? Он платит по пятнадцать, по пятьдесят тысяч за рисунок! Так хоть немного получается отложить. Курсовых все меньше и меньше, сейчас вообще раз-два и обчелся, программа меняется и я скоро вообще не смогу делать проекты на "отлично", в парке работа сезонная, с ребенком никуда не берут, потому что она постоянно болеет! А впереди зима, понимаешь?! На что я куплю ей сапоги, она снова выросла? Куртку? А потом что? Она в школу скоро пойдет! И мне надо будет выходить на полный день! Я, может, хоть денег отложу и на колледж наскребу, потому что иначе мы просто не выживем. Если я сейчас лишусь работы, то все! Конец!

– Жень, я понимаю, просто... волнуюсь. У меня мало опыта, но... ничем хорошим такие заказы не заканчиваются.

– Я понимаю, Марин. Но выбор небольшой. Или рисовать или идти... не знаю, куда. На улицу. Хотя я и так там рисую. Он не переходит границу. И пока не переходит, я буду ему рисовать.

Мои слова не успокаивают Марину, но по лицу она ясно видит, что большего не добьется. Она убегает к ученику, подрабатывает репетитором, я сажаю Эльку смотреть вечерние мультики, а сама пытаюсь рисовать.

Мой ноутбук напоминает компьютер шестнадцатилетнего подростка: он весь забит эротическими картинками. Парочки в самых разных позах сношаются на столе, все четко по ТЗ. Я могу перерисовать любую из них, лишь заменив героев на нужные. Но лист за листом комкаю и злюсь, потому что...

Почему?

Получается без души. Без характера. Без эмоций. Никакой истории, никакого мгновения. Люди на фотографиях и на рисунках – модели, поставленные фотографом (или художником) в заданные позы. Между ними нет химии, нет притяжения. Сама не знаю, почему кажется, будто я должна это притяжение нарисовать. Просто знаю, что Сереброва не устроит зарисовка с моделями.

Он хочет большего, но я вряд ли это большее смогу дать.

Чтобы отвлечься и немного настроиться на работу, я беру альбом с эскизами. Рисую углем городские этюды, набрасываю схематичные пейзажи. Потом, незаметно для самой себя, перехожу к портретам. И понимаю, что рисую Сергея только когда хлопает входная дверь: возвращается Марина.

Быстро убираю наброски. Не хочу снова ее волновать.

– Как твой урок? – спрашиваю, выходя в коридор.

– Хорошо, умненький мальчик, даже любит сольфеджио. Что редкость. Женьк, там возле твоей квартиры мужик трется...

Сердце пропускает удар.

– Трезвонит.

– Сергей?

– Да нет. Бывший твой.

Марина не знает о причине нашего расставания с Дэном, но чутко понимает, что все неспроста. Мне тяжело дался этот разрыв и соседка, конечно, это видела.

Я выхожу на лестничную площадку и действительно вижу Дэна. С букетом, пакетом с гостинцами и большим плюшевым медведем.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю.

– Женьк? Я... квартиру перепутал?

– У Эли урок музыки у соседки. Я ее жду.

Не хочу, чтобы он знал, что я сдаю квартиру. Вообще не хочу ничего ему докладывать.

– Это тебе. – Он протягивает цветы. – А это для Эли.

Я не двигаюсь с места. И Дэн умоляюще смотрит.

Так же умоляюще, как смотрел на Сергея.

– Жень, да я просто...

– Что просто?

– Хотел тебя увидеть. И Эльку.

– Эльку ты больше не увидишь.

– Ну зачем ты так...

– Дэн, иди в задницу, ясно? Не смей приближаться к моему дому!

– Он тебя нашел, да?

– Это было жутко сложно, ты ведь адрес дал без индекса.

Он переминается с ноги на ногу и, пожалуй, выглядит жалко, но я не способна ему сопереживать. Не он остался наедине со зверем, не с ним сейчас играют, как с забавной зверушкой.

И да, я знаю, что ничего с двумя амбалами Дэн бы не сделал. Но он мог хотя бы попытаться! Хотя бы дать понять, что готов за меня вступить. А вместо этого ушел сидеть на диванчике и ждать.

– Жень, ну ты же понимаешь, выбора не было...

– Денис, я все понимаю. Ты должен много денег. Ты не хочешь в тюрьму и поэтому готов отдать и девушку, и информацию, и совесть. Я не понимаю, причем здесь я. Оставь меня в покое, оставь в покое Элину. Живи своей жизнью, я буду жить своей.

Дэн бросает подарки и подсказывает ко мне, сгребает в объятия. У него не такая стальная хватка, как у Сергея, или, может, он не решается действовать грубо, но я вырываюсь.

– Жень... Женька! Ну что ты так со мной? Ну сволочь я, ну ведь не знал же! Думал, ты уйдешь и будет тебе хорошо, а он вот так вот...

– Забудь мой адрес, забудь мое имя и больше не приходи, – глухо говорю я. – Забирай цветы и убирайся. Все в прошлом.

По его лицу я вижу, что Дэн не собирается успокаиваться. Когда не надо, он может быть дико настойчив. Я твердо намерена его прогнать, но даже с этой уверенностью я поражаюсь словам, которые вырываются непроизвольно:

– Ты же не хочешь, чтобы я рассказала твоему работодателю о том, что ты меня преследуешь. Это ему не понравится, так?

Брови Дениса от удивления ползут вверх.

– Даже так? Вот это да... я думал, тебя спасать надо.

– Себя спасай. Я как-нибудь сама.

Больше я этот разговор продолжать не хочу, так что открываю дверь и захожу обратно в квартиру. А в спину мне несется злобное:

– Да ты у него даже не единственная шлюха!

Очень хочется ответить, но не устраивать же скандал прямо на лестничной клетке?

Удивительно, но даже реветь от обиды не хочется, только какое-то чувство брезгливости и злости. Почему таких, как я постоянно тянет на мудаков типа Дэна? Как проклятье какое-то, словно я совершенно не уме разбираться в людях. И жить своим умом тоже не умею.

– Ушел? – из кухни выглядывает Марина. – Чего хотел?

– Ремня, – бурчу.

– Понятно. Спать, может, пойдешь?

– Нет, я еще порисую.

На эмоциях всегда получаются хорошие рисунки. И неважно, злость это или счастье. Они хорошие по-разному.

Хотя на самом деле до некоторых пор я даже не знала, что могу рисовать на одном дыхании. Если так выглядит вдохновение, то я бы с удовольствием не видела его еще столько же.

Я злюсь на Дэна за то, что он оказался совсем не принцем из мечты сиротки. Злюсь на себя за то, что всерьез думаю над его словами.

Злюсь на Сереброва за то, что он отобрал у меня единственную иллюзию, которая приносила радость. Пусть я и ошибалась, я чувствовала себя любимой, нужной. А он пришел и ногами растоптал все мои крепости и замки.

И рисую я не его заказ, а свой, компенсируя то, что он отнял.

Теперь это не бездушные модели, но и с реальными прототипами нарисованные люди не имеют ничего общего.

Девушка сидит на столе, заваленном рисунками, красками и палитрами. Она обнажена, от взгляда зрителя ее оберегает лишь рубашка мужчины, что рядом. Полностью одетого, в отличие от нее. Она обнимает его ногами, руками касается пуговиц рубашки. Глаза закрыты, а его руки запутались в волосах, и в этом жесте нет ничего порочного, только какая-то щемящая нежность, забота и чувства.

Я долго смотрю на то, что получилось. Всего лишь карандашный эскиз, забытое воспоминание о том, как хорошо может быть рядом с кем-то.

Поддаюсь порыву и рисую за ухом девушки кисть для рисования. В последний раз он назвал меня кисточкой, а я осознала это лишь позже, когда уложила Эльку и сидела в кухне, борясь со сном и тревожными мыслями.

Сереброву это точно не понравится.

Ну и пусть. По-другому я просто не умею.

Дождь. Снова проклятый дождь. Лето нынче отвратительное. Только почему он думает не о том, как бы взять рыженькую и свалить на недельку к теплему морю, а о том, что Кисточка наверняка сегодня не вышла на работу, ведь в парке в такую погоду никого.

Что она делает? Рисует? Представляет их вдвоем, ласкает себя? Или отбрасывает эскиз за эскизом, не в силах нарисовать то, о чем не имеет ни малейшего понятия?

А он не имеет ни малейшего желания обучать девственницу радостям секса. У него есть рыженькая (блядь, имя, узнать ее имя!) и Ольга, вдвоем это крышесносный коктейль, две готовые на все девицы. Кисточку и представить нельзя в постели втроем. Такая только услышит, сразу в обморок грохнется.

И нахрен ее. Заберет рисунок и до свидания. Что ему, баб мало?

Словно в иллюстрацию его словам, в гостиной раздается цоканье каблучков. Женщина проходит по мраморному полу и останавливается. Он спиной, стоя у окна, чувствует ее взгляд. Даже может по памяти восстановить в голове образ. Длинные рыжие локоны, тонкие губы, чуть тронутые коричневой помадой с золотистым блеском. Длинные тонкие ножки, шрам на левой лопатке – след после падения с велосипеда в студенчестве.

– Иди к нему, – говорит он. – Заставь поесть. И вытащи в сад. Две недели сидит и не выходил.

– Сереж...

– Вероника, иди наверх. Делай там что хочешь, чтобы он поел и прогулялся. Можете трахаться хоть до посинения.

– Он меня не пустит.

– Сделай так, чтобы пустил.

– Сереж, может, мы с тобой поговорим...

– О том, что ты блядь? Давай. Как тебе в новом статусе?

– Серебров, ты мудак!

– Я пообещал тебе двадцатку, чтобы ты сюда приперлась. И хочешь сказать, это не проституция? Ну окей, эскорт. Легче? Да расслабься, все жены олигархов с него начинают. А ты им заканчиваешь.

– Я пришла не потому что ты пообещал денег. Я... просто хотела тебя увидеть.

– Или ты поднимаешься сейчас к Косте, или идешь нахрен, Вероника.

Она задает совершенно неожиданный вопрос, но вкладывает в него всю женскую печаль и надежду:

– У тебя есть другая?

– У меня нет "этой".

– Ты понял, о чем я.

– Да, есть.

– Понятно. Мне кажется, лучше уйти...

Он пожимает плечами.

– Как хочешь. Двадцатку получаешь только если сделаешь то, о чем прошу.

Они оба молчат, но Сергей улыбается. Он знает, что сейчас произойдет. Ему хочется смеяться, когда стук каблучков удаляется вверх по лестнице.

Берет телефон, быстро ищет нужный контакт. Женщина на том конце провода снимает трубку раньше, чем он успевает передумать.

– Слушаю тебя, Серебров.

– Дизайн-проект сделаешь? Комнаты... точнее двух смежных.

– Излагай.

– Для девушки и ребенка лет пяти.

А еще курит. Сто лет не курил.

В воскресенье Марина готовит ужин и удивляется бесконечному дождю. Он и впрямь то стихает и кажется, что вот-вот выглянет солнце, то заряжает с новой силой. Ни о какой работе и речи нет, но я собираюсь в парк, чтобы отдать эскиз. Сергей приходит всегда в одно и то же время, ровно к восьми, так что мне вряд ли придется долго его ждать.

Кто бы знал, как не хочется туда идти! Как страшно показывать, что получилось. Я упаковываю эскиз в непромокаемый zip-файл, и замечаю, что руки предательски дрожат.

Он убьет меня. За своеволие и за издевку, которой непременно посчитает рисунок. До сих пор мои вольности его забавляли, но сейчас я чувствую, что перешла черту.

До этого дня я несколько десятков раз пыталась переделать эскиз, но в истерике все отправляла в мусорку. Выбора не осталось, или я покажу сегодня хоть что-то, или понятия не имею, что он со мной сделает. А еще деньги не лишние, Элька снова кашляет и, если разболеется, страшно подумать, сколько уйдет на лекарства.

– Жень, возьми зонт! – кричит из кухни Марина.

Но я отмахиваюсь. Дождь, вроде, кончился, до парка недалеко, а там я мигом. Никому нет охоты подолгу беседовать об искусстве в такую сырость. К тому же на мне толстовка с капюшоном.

Свою ошибку я понимаю сразу, как подхожу к парку. Капюшон не спасает, я стремительно превращаюсь в выхухоля из любимой Элиной сказки. Тот тоже мерз под дождем, в одиночестве, и не знал, к кому приткнуться.

Вот и я иду, сжимая под толстовкой файл с эскизом. По волосам стекает вода, ноги ледяные, а дождь все усиливается и усиливается. Где-то вдалеке грохочет гром, приближается к нам.

Но самое главное то, что у меня сердце колотится так, словно иду я на казнь. Так, наверное, чувствует себя котенок, которого сжимают в руке, чтобы отнести на речку и безжалостно утопить.

Останавливаюсь на привычном месте и вглядываюсь в серую даль. Холодно. Зуб на зуб не попадает. Хотя, может, это от страха. Скорее всего от страха. Я молюсь, чтобы он не пришел. Закрываю глаза и прошу небо, чтобы Сергей Серебров просто забыл обо мне.

Но когда снова смотрю на аллею, то вижу его.

Дергаюсь. Едва не пускаюсь наутек, только оцепенение не дает сдвинуться места.

Бог ты мой... это как встреча двух миров, удивительно разных. Моего, холодного, мокрого, пропитанного дождем. В нем я, одетая в джинсы и кроссовки, дрожу от волнения.

И его мир. Больших денег, комфорта, тепла. Его даже непогода обходит стороной. Серебров одет в темные джинсы и тонкий кашемировый черный свитер, на ногах – идеально чистые ботинки. Над головой зонт. Он будто окружен защитным полем, куда не попадают холодные капли дождя.

Он останавливается напротив меня. Смотрит, обжигает своим взглядом, видит насквозь. – Принесла эскиз?

Я протягиваю дрожащей рукой файл. Мужчина берет его и долго рассматривает.

Неизвестность хуже всего, мои нервы как натянутая струна. Я закусываю губу, до боли и солоноватого привкуса крови.

Смотрю на его лицо. Бесстрастное, равнодушное. Холодные глаза, рассматривающие рисунок.

Мне вдруг становится стыдно за слабость, за наивность. Хочется провалиться сквозь землю, сделать так, чтобы он никогда не видел этот эскиз. Спрятать, как самый постыдный секрет.

Никогда я еще не чувствовала стыда, от которого сжимается сердце. Никогда еще не мечтала спрятаться, чтобы не трогали вложенный кусочек души.

– Это... – Я голос свой не узнаю, чужой какой-то, жалобный. – Плохо, я знаю. Я... переделаю через неделю, попробую еще...

А затем вырываю из его рук файл и бросаюсь прочь. Сбежать! Забыть его лицо, забыть собственный порыв! Идиотка... какая же идиотка, вздумала играть со зверем. Насмехаться над ним, унижаться самой. Разве можно хоть на секунду поверить, что Сереброву интересны мои иллюзии? До чего вообще можно докатиться... как бездомный щенок. Его ногой, а он в глаза заглядывает и все ищет “может, это он, мой хозяин, и у него есть теплый дом?”.

Я делаю лишь несколько шагов, как стальные пальцы сжимаются у меня на плече. Одним движением Серебров разворачивает меня к себе и втягивает под зонт.

Боже, здесь даже воздух теплее... или это иллюзия от того, что мужчина очень близко. Стоит только чуть податься – и коснешься мягкого черного кашемира.

– Нет, – хрипло говорит он. – Дорисуй.

Пока до меня доходит смысл его слов, он повторяет:

– Дорисуй этот.

А затем вдруг вкладывает в мои онемевшие от холода пальцы зонт и быстро уходит прочь, не боясь ни дождя, ни сверкающих в небе молний.

Я смотрю ему вслед и кажется, будто тепло осталось со мной, под черным зонтом с деревянной глянцевой ручкой.

Глава шестая

Он расколотил кабинет. С психу разбил чашку о зеркало, которое сразу покрылось паутиной трещин. Запустил здоровой малахитовой пепельницей в стекло. Разнес глобус-бар прямо вместе с бутылками, стоявшими в нем. Ну и так, по мелочи, ноутбук шарахнул.

А потом улетел в Рим. И хоть командировка вполне позволяла вернуться в субботу вечером, чтобы в воскресенье быть в парке и забрать рисунок, который Кисточка наверняка подготовила, он специально взял билеты на понедельник. И все воскресенье трахал рыженькую до тех пор, пока она не взмолилась о передышке.

Только он своего так и не получил. Хотя вряд ли смог бы сказать, что вообще его бы удовлетворило. И нет, Серебров не бежал от мыслей о Кисточке, только даже самые грязные фантазии с ее участием не особенно помогали. Чертова девка.

В понедельник, прямо с рейса, едет домой.

– Сергей Васильевич, – Рита встречает в гостиной, чистит камин, – Константина Васильевича осмотрел врач.

– И?

Он и так знает ответ.

– Нужна реабилитация. Нужно разрабатывать, ехать в Германию, проходить курсы физиотерапии. На дому это невозможно.

– Позже с ним поговорю.

– А еще закончили монтаж в пустых комнатах.

Это Рита произносит с нескрываемым любопытством. Она давно на него работает, так что имеет безоговорочное право интересоваться. Но ему не хочется вдаваться в объяснения – у него их просто нет.

И теперь он сидит в детской и смотрит на шкаф с книгами.

В свое время он бы отдал за такой шкаф душу. Здесь не просто книги, здесь подарочные интерактивные издания. "Океанология" с объемными фигурками обитателей морских глубин, обложка книги щедро украшена сине-зелеными кристаллами. "Драконоведение" с ярким янтарем в глазу дракона на обложке. "Алиса в стране чудес" – огромная книга с кучей магнитов, закладок, объемных страниц. Новогоднее издание про елку, книга мифов о викингах. Сказки, сказки, "Путешествие Алисы", какие-то девчачьи книги про барби.

В другом конце кровать в виде тыквы-карей, как у золушки. С милым пологом, на котором вышиты светящиеся звездочки. Письменный стол, стул, большая мягкая площадка, отдаленно напоминающая сцену, с игрушками. Пара кресел и телевизор. В детской, сидя в мягком кресле, Сергей чувствует себя не в своей тарелке.

Если выйти через арку в смежную комнату, то можно попасть в другую спальню, более сдержанную. С большой кроватью, огромным столом, офисным кожаным креслом и диваном, который непривычно повернут не в центр комнаты, а к окну, на лес.

Но там не так тошно. А вот в детской – в самый раз. И даже коньяк, последний уцелевший после погрома, что он устроил, не спасает.

Рита входит бесшумно, ставит на столик перед ним чашку с кофе и долго, задумчиво смотрит на ряды разноцветных книг.

– Не мучили бы вы себя, Сергей Васильевич. Зачем сделали ремонт?

– Понятия не имею. – Он усмехается и выливает остатки коньяка в кофе. – Захотелось.

Рита улыбается. Тепло так, как улыбаются хорошему другу.

– А еще Константина Васильевича ругаете. А сами все забыть не можете. Оставьте, в прошлом все. Еще встретите девушку, она родит ребенка. Все будет, вам и сорока еще нет.

– Да. Будет. Конечно будет, куда же денется. Не обращай внимания. Просто ностальгия замучила.

– Все точно в порядке?

– Да, Рит, в полном. Я совершенно точно уверен в том, что хочу. А комната... она не для воспоминаний. Она для одной девушки, которая поживет здесь некоторое время. Возможно...

– Что за девушка?

Ее не обманешь, она слишком долго его знает. Но можно дать понять, что разговор окончен – и Рита уйдет. Оставит его наедине со своими демонами.

– Знакомая. Ничего особенного.

– Вы на работу сейчас? До обеда меньше часа, если дождетесь...

– Спасибо, Рит, я по делам, вернусь через пару часиков и пообедаю. Попробуй накормить Костю.

– Да, Сергей Васильевич.

Он едет в парк. Нахрена – не знает. Как именно он заставит ее приехать и вообще нужно ли это – тоже. Что-то подсказывает, что Кисточка даже если он предложит все блага для ее ребенка, откажется просто так у него жить, пусть и временно.

Отдельный вопрос, что он с ней будет делать. Стоит его проработать заранее, но Серебров старается об этом не думать. Кисточка – девочка чувственная, заводится с пол оборота, но неужели он закончит все так просто и уложит ее в постель? Это не интересно. Это не имеет смысла.

Глупенькая и маленькая. Нарисовала свои наивные представления о сексе, со всей искренностью невинной девчонки. Только вряд ли он хоть к кому-то прикоснется так, как на ее рисунке. Для того, чтобы сжимать женщину в объятиях с такой нежностью, нужно обладать иным складом характера. Он и до развода им не обладал, а теперь подавно.

Всю дорогу, за рулем, Серебров не может отделаться от мысли, что играет не только с ней, но и с собой. Выворачивает душу на изнанку. Извращенное удовольствие доставляет разбивать чужие романтические представления.

А в парке Евгении нет. Он даже не верит в это сначала, долго вглядывается в то место, где она работала. Оно не пусто, сейчас там рисует какой-то бородатый дед в потертом вельветовом пиджаке.

Медленно, пробуя на вкус терпкое разочарование, он проходит по парку. Может, ей дали другое место?

Но нет. Нигде нет девочки с кисточкой за ухом. И мужчину накрывает ярость. Сбежала? Неужели настолько глупая, что решила убежать от него? Не получилось прикинуться несчастной, значит, просто смылась?

Нет, Кисточка, нет. На какой-то миг ты и впрямь показалась ему слишком чистой для подобных игр, но теперь правила в сторону.

Он ее найдет, это лишь вопрос времени. И предвкушения, потому что когда найдет, больше не будет искать в душе давно похороненные воспоминания.

Даст ей фору, а потом найдет и поиграет. И Кисточке даже понравится.

Принцев не существует. Придется снова ей напомнить об этом.

Он закрывает глаза, чтобы успокоиться. Сергею не нравится эмоциональность, которую вызывает Кисточка. Не нравится собственная злость на нее за побег. Надо успокоиться. И подойти к делу с холодной головой.

Он поедет домой. И дождется воскресенья, даст ей еще один шанс. А если в воскресенье Евгения не придет... зверь внутри сорвется с цепи, он уже почти сорвался и держат его лишь воспоминания о том, какую боль приносит подобная эмоциональная привязка.

Дни до воскресенья проходят слишком быстро. Он погружен в работу, а после, до полуночи и полной отключки впахивает в спортзале. Лишь однажды остается дома и сам не понимает, как вдруг оказывается в мастерской.

На стене над столом два ее рисунка. Робкая попытка скрыться от его взгляда, первый шаг в познании тела. И второй рисунок, дерзкий ответ на то, что он делал с Кисточкой. Сочетание акварели и угля, нежное и страстное. Этот рисунок особенный. Она вряд ли понимает, но он видит намного больше. Заводится от мимолетного взгляда. Возбуждение болезненное, беспокойное. Даже если кончить, если закрыть глаза и вместо секретутки представить Кисточку, оно не утихнет.

Можно закрыть глаза, восстановить в памяти образ, которым он одержим. Представить, как полных губ касается улыбка, как она выгибается в его руках, разводит для него ножки и протяжно стонет.

Можно даже сжать член в руке и представить, как ее губы обхватывают головку, язык порхает по напряженному органу. Как Кисточка двигается, а ее губы скользят по его шее, кусают губы.

Только знание, что это лишь фантазии все равно сидит внутри. И даже не глубоко, а у самой поверхности, шепчет и насмехается.

Тогда Серебров во вспышке иррациональной ярости переворачивает стол. На полу валяются осколки стекла, куски дерева, какие-то инструменты. Идеальный порядок, прежде царивший в мастерской, больше его не интересует. Все равно не помогает приводить в такой же порядок мысли.

Сил включать свет нет. На дом опускается темнота, приближая воскресенье.

Заснуть не выходит. Едва закрывает глаза, проваливается в отвратительное состояние, между сном и явью, где живут воспоминания. Мрачные, тяжелые. Под утро Серебров ощущает знакомое желание выплеснуть злость, чтобы хоть как-то постараться не сорваться на домашних. Уезжает в клуб и до сбитых костяшек лупасит грушу, а потом больше часа плавает.

Отвратительный день. Отвратительная неделя. Похоже, сопротивляться бесполезно, и стоит просто расслабиться и позволить себе делать то, что отчаянно хочется. Он едет в парк, там берет большой кофе и сидит на лавочке до самого вечера. Гипнотизирует место, где впервые увидел Кисточку спустя десять месяцев после того вечера.

Но ее нет. Художник, занявший ее место, уходит. Поток людей рассеивается. Она не работает здесь, и не приходит в ожидании его. Сбежала, ушла, уволилась, больше для него не рисует. Но наверняка чувствует его приближение, боится, что Серебров ее найдет.

И он найдет, это совсем несложно. Начнет, пожалуй, с адреса, а дальше будет видно.

Она живет в каком-то до ужаса унылом и задрипанном доме. Порой Сереброву кажется, он совершенно не видит никакого мира, кроме двухметрового забора загородного дома и отрезка дороги, виднеющегося из окна машины. Даже в парке он побывал лишь познакомившись с Евгенией.

Или вот недавно был в Риме. Из воспоминаний: вип-зал аэропорта, салон машины, переговорная в отеле, пентхаус. Ну и секретутка, да, пока драл ее, в окно посматривал, достопримечательности, наверное, какие-то видел. Аж самому смешно.

И вот она, жизнь. В серых, изрисованных стенах подъезда. В отполированных за несколько десятков лет бетонных ступенях. В одинаковых хиленьких дверях.

Он звонит долго, минут пять. Наверное, этот звон способен разбудить даже мертвого, но за дверью гнетущая тишина. Колеблется, но все же подходит к двери напротив и звонит соседке.

Открывает миловидная, но уж очень "серенькая" девица. Лет тридцати, может. С мышинного цвета волосами, темными кругами под глазами. А еще она его узнает.

Это Серебров понимает по выражению лица, по глазам, по изменившейся атмосфере. Вот так интересно. Подруга? Неужели Кисточка что-то о нем рассказала?

– Я ищу Евгению. Не подскажете, где она?

Вздергивает подбородок. Бросает вызов.

– Не посажу.

– Зря.

Он делает шаг вперед, девица инстинктивно отступает.

– Мне очень нужна Евгения.

– Ей сейчас не до вас. Оставьте ее в покое.

– Я сам буду решать, что делать, в твоих советах я не нуждаюсь. Где она? По-хорошему скажи, и попросаемся.

– А если не скажу?

Он осматривает прихожую, ищет зацепки. Действовать надо быстро, давить на нужную точку. Почти ничего не говорит ему о том, кто есть хозяйка, но все же он замечает на полке ее сумку, из которой торчит тонкая "Тетрадь для нот".

– Марина Витальевна, – из комнаты появляется рыжий мальчуган, – я закончил задание.

– Сейчас подойду, Вова, подожди меня.

– Учительница, значит, – усмехается Сергей. – Ну вот тебе и ответ на вопрос. Если не скажешь, волшебным образом все может получиться так, что переквалифицируешься в уборщицы. У меня уже традиция такая, всех убогих нанимаю. Обвинят тебя в каком-нибудь домогательстве, мамашки на кол посадят и разбираться не станут. Так что? Стоит подружка похеренной жизни?

Она молчит, стиснув зубы. Интересно, это такая особенность тех, кто вырос в нищете, геройствовать на ровном месте? В противовес вон, Савельев, всю жизнь на тепленьком, а лапки поджал и сбежал.

– В больнице. Ребенок заболел неделю назад, увезли в больницу, она с ней.

– В какой больнице?

– Во второй, в инфекционном отделении.

– Ну можешь ведь, когда хочешь. Давай, топай работать.

Он выходит из подъезда и снова курит, смотрит на пошарканные детские турники и даже не пытается о чем-то думать. Ну да, о том, что Кисточка просто-напросто может заболеть, он не подумал. О ребенке тем более. Думал, сбежала, самый простой вариант предположил.

И что теперь? Оставить ее в покое? Не тащиться же в больницу, право слово.

Серебров только думает об этом, а ноги сами несут к машине. Если дать волю желаниям, то можно обнаружить себя подъезжающим к стоянке больницы. И даже спрашивать себя, на кой хрен это делать, бесполезно, потому что подобные действия не поддаются разумному объяснению. Они продиктованы эмоциями. Инстинктами.

Ему просто хочется увидеть Кисточку, услышать ее усталые оправдания, убедить себя, что она не сбежала.

Медсестра соглашается пропустить его в отделение лишь после того, как он сует ей пару купюр в карман халата.

Все время, пока он поднимается на нужный этаж, в голове прокручиваются сцены из прошлого, когда он точно так же поднимался, только по другой лестнице. В той больнице все сверкало и сияло, даже пациенты разной степени тяжести, казалось, улыбались, как на рекламном плакате.

"Забери меня", – услышал он в телефоне голос жены.

Дрянь. Циничная шлюха. От одного взгляда на больничные стены его может начать трясти. А кривоватые потускневшие рисунки на стенах детского отделения и вовсе ввергают в депрессию.

Кисточка с ребенком в девятой палате, но он не доходит до нее: сразу же, как только выходит с лестницы в коридор, видит Евгению. И понимает: что-то не так. Она бродит туда-сюда по коридору, низко опустив голову. Растрепанная, взъерошенная, какая-то потерянная. На ней джинсы и бесформенная белая рубашка, а ноги босые. Пол грязный и ледяной, но девушка не видит ничего вокруг себя.

Все же он сволочь и не скрывает: этот ее растерянный несчастный вид до ужаса возбуждает. Жаль только причина завязана на ребенке, здесь просто так свое не продавишь.

Серебров подходит. Она смотрит на него затуманенным взглядом, как будто слабо понимает, кого перед собой видит.

– Ну привет. А я думал, ты сбежала.

– Я... – облизывает губы, только сейчас это совсем не сексуально, она едва справляется с голосом. – Я не могла, мы тут... простите... черт. Я сейчас верну деньги, я...

Она мечется, пытается сообразить, в какую сторону идти и что-то бормочет себе под нос. Вблизи, даже в полумраке больничного коридора, Кисточка кажется усталой и расстроенной.

Хотя нет. Она не расстроена, она в абсолютном шоке, слабо реагирует на окружающую обстановку. Происходит что-то жуткое. Ее не сломало насилие, не сломало предательство, а сейчас она сама не своя.

– Мне не нужны твои деньги.

– Я... ладно. Я дорисую! Позже... обязательно дорисую, я не успела, я просто не успела, понимаете?

– Успокойся. Что происходит?

Она устало машет рукой и вздыхает, прерывисто, сдерживая рыдания.

– Не знаю. У нее температура неделю. Под сорок. Почти не сбивается. Ночью были судороги. Увезли в реанимацию, меня не пускают, мне кажется...

Женя озирается, словно боится, что ее услышат.

– Они не знают, чем ее лечить. Просто наугад... не знаю. Я дорисую...

Блядь, Серебров, оставь ее! Оставь здесь, не лезь в эту семью, не лезь к ее ребенку. Пусть лечатся сами, пусть живут сами. Развернись и уйди, дай ей денег, наконец, только не лезь...

Это все в голове, а в реальности он говорит:

– Возможно, я тебе помогу.

Она поднимает голову. Боже, сколько в глазах эмоций, целый океан, как она вообще с ними справляется?

– Поможете? Как?

Вместо ответа он молча протягивает ей визитку. Холодные, до жути ледяные даже, пальцы на мгновение касаются его руки, когда она берет визитку.

Ну вот. Теперь пути назад точно нет.

Я смотрю на крохотный кусочек картона и пытаюсь прочесть, что там написано. Но словно разучилась понимать русский язык. Сколько я не сплю? Дня три уже точно, если не считать короткие минуты, когда я отключалась прямо на стуле. Иногда удавалось поспать, если кого-то выписывали, а койка оставалась на ночь свободной. Я однажды в детстве лежала в больнице и, помнится, мама спокойно лежала со мной. Но теперь коек не хватало, и большинство детей лежали в одиночестве. Только маленьких клали с родителями, ну или совсем больных.

Сначала я нервничала, что не доделала заказ, просто не было сил и времени. Потом вообще перестала понимать, что вокруг меня происходит. Недосып сказывался на работе головы.

"Серебров Сергей Васильевич, MTG" – написано на визитке. Телефоны, емейл.

– Извините, я не очень... понимаю, что это значит...

Затем ниже вижу расшифровку и смутно вспоминаю бело-красные вывески медицинских центров, клиник пластической хирургии и всяких таких мест. Значит, он владелец? Или просто директор? На визитке не написано.

– Как это поможет... то есть, что вы предлагаете делать?

Мне очень хочется поверить. Поверить в то, что передо мной стоит спасение, а не дьявол. Да черт, пусть бы и он, сейчас я согласна на любую сделку.

– У меня работает Карташов. Знаешь такого? Три года назад был процесс.

Я вспоминаю историю о детском враче, которого пытались осудить за то, что он использовал слишком дорогие препараты за счет бюджета больницы. О нем тогда говорили на всю страну, но чем закончилось дело, я не знаю.

– Перевезем ее в клинику и обследуем за пару дней.

– Как ее перевозить-то, она же...

– Оставь это моим спецам. Перевозят и не таких.

Мне страшно. Адски страшно, потому что я никогда еще не принимала таких решений. Я брала опеку над Элей, устраивала ее в садик, водила к врачам, одевала и учила, но никогда еще ее жизнь не зависела от моих решений. В глубине души я всегда знала, что если не справлюсь, самое страшное, что произойдет с племянкой – детский дом. Такого для Элины я не хотела, и потому старалась, что-то даже получалось.

А теперь я понятия не имею, что делать. Где-то в палате лежит моя девочка, верит, что я ее спасу. А если я ошибусь и сделаю ей хуже?

Чем вообще может помочь частная клиника?

– Как минимум тем, – я вздрагиваю, понимая, что сказала это вслух, – что там есть индивидуальный присмотр и ты сможешь поспать. А еще аппараты для любой диагностики, все специалисты, готовые выехать в любую минуту, своя лаборатория, все лекарства и так далее. Кисточка, я тебя не уговариваю, я тебе предлагаю. Только давай быстро. Говоришь "нет" – я разворачиваюсь и ухожу.

Я ненавижу себя за то, что адски хочется свалить все на чужие плечи. Ненавижу чувствовать себя слабой, ненавижу это предательское желание, чтобы кто-то обнял и решил все проблемы.

– Ладно, – выдыхаю. – Ладно, я согласна.

– Ты понимаешь, что я попрошу взамен?

Понимаю ли? Ну да, если это можно назвать пониманием, то конечно. Люди, которые могли обнять и решить проблемы давно ушли. Остался только он.

– Если вы знаете, как ей помочь, то просите, что хотите. Правда, я понятия не имею, настолько ли ценно то... что вам нужно.

– Собирайся, – говорит он. – Обуйся и забирай вещи, которые тебе нужны.

Голос становится сухой, спокойный. Наверное, такой мне сейчас нужен, потому что я не могу самостоятельно планировать никаких действий.

– А Эля? Я же... надо с ней...

– Вот в машине еще не хватает истеричной мамы. Со мной поедешь. Там встретитесь. Давай, полчаса на сборы, я к главрачу пойду, схожу.

– А ее нет, я ходила...

На это он ничего не говорит, разворачивается и уходит. Оцепенев, я смотрю ему в спину, а потом, словно от разряда тока подскакиваю и бегу в палату. Собираюсь, тихо, чтобы не будить других детей. Вещи, книга, телефон при мне, зарядник, какие-то пачки салфеток, крем... руки трясутся, я едва не роняю кружку на пол и, наконец, плюю на все. Хватаю только зарядник, натягиваю ботинки...

– Жень? – одна из мам, лежащих со мной в палате, поднимает голову с койки.

Они с маленькой дочкой едва умещаются на узкой кровати, но девочка уже идет на поправку. Хорошая женщина, подкармливала меня, переживала.

– Переводят в другую больницу, – шепотом говорю я. – Поеду.

– Удачи, детка. И Элечке здоровья.

– Спасибо. – Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы.

Черт, Серебров прав в своей холодности. Если со мной ласково разговаривать, я превращаюсь во вторую Элю.

Взгляд падает на койку, где лежит белый меховой кролик. Его не разрешили взять в реанимацию, но все время, что Элька валялась с температурой, она прижимала его к себе, как самое дорогое сокровище.

А спустя полчаса прижимаю я, сидя на пассажирском сидении машины Сергея. Снова.

Глава седьмая

Кажется, периодами я отключаюсь, потому что совершенно не разбираю дороги. Сначала мы едем по знакомым кварталам моего района, потом оп – и уже в центре. А потом вдруг на кольцевой дороге, огибающей городской сосновый бор. Возле него и расположился "Медицинский и реабилитационный центр МТГ" – так гласит вывеска.

Машину Сереброва без слов пропускают на территорию центра, и мы едем на закрытую подземную стоянку. Я собираюсь выйти из машины, но меня останавливает его голос:

– Погоди. Открой бардачок.

Он что-то набирает в телефоне и не смотрит на меня. Я с трудом – пальцы плохо слушаются – открываю ящик.

– Аптечку возьми. Найди таблетки, называются "Спазмалгон", выпей одну. Вода там же.

– Что это?

– От головной боли. Пей. Пока не выпьешь, говорить с тобой не буду.

Черт, голова действительно адски болит. Я быстро разгрызаю горькую таблетку, запиваю водой и понимаю, что уже давно не пила и не ела. Желудок отзывается жалобной слабой болью.

– Идем.

Я почти бегу за ним, потому что успевать за широкими шагами нереально. Мне хочется спросить, где Эля, что будет дальше, а еще жутко страшно ждать момент, когда он потребует оплату за помощь. Но я понимаю, что вопросы его лишь разозлят, и молчу. Сжимаю кролика и упрямо иду следом.

Лифт поднимает нас на самый верхний, пятый, этаж центра. Он совсем не напоминает больницу: светлый, но не пугающе белый. Всюду растения в горшках, идеальная чистота, на стенах постеры. Серебров уверенно идет в самый конец, открывает передо мной дверь и подталкивает внутрь. Это обычная приемная: здесь есть диван, стол секретаря, компьютер, шкафы и какие-то дипломы и грамоты на стенах. Из приемной еще одна дверь ведет в смежную комнату с табличкой "Карташов Н.И., заведующий детским отделением".

– Голова прошла? – отрывисто интересуется Сергей.

Я неуверенно киваю. Стало и впрямь легче, но последствия адской недели не заглушить одной таблеткой.

– Тогда слушай внимательно и запоминай. Сейчас придет врач. Будет тебя расспрашивать о девочке и болезни. Говори ему все честно и быстро, поняла? Карточка из больницы вот.

Он протягивает карту, я даже не спрашиваю, как ее достал.

– Они задавали вопросы, – вдруг вызывается у меня. – Чем болела. На что аллергия. А я же не мать! Я понятия не имею, а ее карточка в поликлинике, и мне не дали, сказали нести свидетельство, а потом...

– Номер поликлиники? – перебивает он меня.

– Пятая.

– Привезут. Все, что знаешь – расскажешь. Это не пыточная и не допросная, Кисточка, он лучший врач в городе. И у него нет лимитов по финансированию. Это все, что тебе нужно знать и достаточно, чтобы ты успокоилась. После разговора выйдешь отсюда и увидишь Рому. Это водитель. Отныне ты едешь с ним. Рома будет ждать тебя в холле, пока ты видишься с ребенком. Дальше ребенка обследуют, а ты с Ромой едешь к себе домой и забираешь нужные вещи, художественную свою хрень. И едете ко мне. Там я объясню, чего и как именно от тебя хочу в обмен на эту маленькую помощь, поняла?

Я поспешно киваю. В голове миллион вопросов, но задать их я не успеваю, открывается дверь и заходит немолодой, немного полноватый мужчина в белом халате, внимательно смотрит поверх очков.

– Доброй ночи, Евгения Михайловна, пойдемте в кабинет, вашу девочку скоро привезут, мне надо посмотреть историю болезни и задать вам пару вопросов.

Он пожимает руку Сереброву, и тот уходит, на меня даже не взглянув.

И пусть. Следующий час я все свое внимание и все силы посвящаю тому, чтобы рассказать врачу все, вложить в него надежду, что Элине помогут.

Мы заходим в кабинет врача, меня сажают в кресло за столом и даже заботливо делают чашку ароматного чая.

– С чабрецом. Хорошая вещь, иммунитету полезно.

– Спасибо.

Даже просто горячий чай рождает внутри блаженство.

– Что ж, Евгения Михайловна, рассказывайте, что случилось. Когда девочка заболела, какие были симптомы, как менялись, что было в больнице и чем лечили. В общем – все, что знаете.

Он листает историю болезни, которую Серебров забрал из больницы, а я говорю все, что удастся вспомнить. Как у Эли поднялась температура, как я пыталась ее сбить, как педиатр выписала нам какую-то ерунду от ОРВИ, которая помогала, разве что, моим нервам, и то слабо. Как увидев на градуснике "39,8" я вызвала скорую и мы уехали в инфекционную больницу.

Мы разговариваем долго, обсуждаем все "от и до", и я постепенно успокаиваюсь. Если Серебров – владелец этой клиники и просил за нас, то врачи сделают все. А судя по допросу, конкретно этот врач собаку съел на лечении детей.

– Хорошо, – он откладывает в сторону карту и смотрит в смартфон, – девочку скоро привезут, я ее осмотрю. Переделаем рентген, все анализы, я не доверяю чужим лабораториям, плюс проведем еще пару специфичных тестов. Подпишите, пожалуйста, как опекун согласие. И не пугайтесь страшным словам в нем, это исключительно моя перестраховка. Если есть финансовая возможность, надо обследовать ребенка полностью.

Я беру предложенный листок и быстро подписываю. Глаз успевает зацепиться за слово "онкомаркеры", и я быстро возвращаю врачу согласие. Не хочу читать. Не хочу мучиться до результатов.

– А когда... когда все будет известно?

– Ну, – он смотрит на часы, – думаю, все основные анализы к обеду. А сложные через пару дней. Но вы не волнуйтесь, коллеги отзвонились, девочка в тяжелом, но стабильном состоянии. Судороги не повторялись, температуру чуть-чуть сбили. Поддержим ее у нас под круглосуточным контролем.

– А я могу с ней остаться?

Я не смогу сидеть в квартире Сергея и мучиться ожиданием. Даже если он потребует немедленно прыгнуть к нему в постель, не смогу, пока не услышу, что Элина в порядке.

– В реанимации, разумеется, нет. Там все очень строго, но сможете пару раз ее навестить и смотреть в окошко. Потом, в общей палате, безусловно потребуются мамочка, спальное место там есть. Только Евгения Михайловна, пожалуйста, не забывайте о себе. Ребенок у вас еще олимпиаду какую-нибудь выиграет, а вот ваши нервные клетки не восстановятся. Поэтому хорошо спите, питайтесь и настраивайте Элину на выздоровление. Я уже сейчас по вам вижу, сколько вы не ели и не спали, прозрачная, как привидение.

– Хорошо. – Я слабо улыбаюсь.

– Вот, – он достает из ящика стола небольшую коробку шоколадных конфет, – пациенты дарят, а у меня диабет. Поешьте хоть что-то, столовая у нас тут с девяти.

– Спасибо.

А дальше я сижу в коридоре, жую конфету с ореховой начинкой, запиваю ее водой из кулера и просто жду, когда привезут Эльку. Рядом трется мужик в костюме, очевидно – Рома.

Сначала я пытаюсь вспомнить, был ли он в тот вечер у Дэна, но потом оставляю это бесполезное занятие.

Включаю смартфон в розетку. Десятки пропущенных от Марины.

– Привет, – отвечаю на звонок.

– Женька! Я тебя убью! Я тут сижу с корвалолом и всем валидолом, оставшимся от мамы!

Что у вас там? Эля как?

– Не очень, – вздыхаю. – Была в реанимации. Говорят, сейчас получше, но я ее еще не видела.

– Ох ты ж... ждешь?

– Ага. Сижу вот.

– Сейчас приеду, привезу тебе поесть и будем ждать вместе. У меня сегодня уроков нет.

– Марин... – Я не решаюсь сказать. – Понимаешь... мы перевелись в другую больницу.

– В какую?

– МТГ, знаешь центр? В Холкино?

– Так он же частный.

– Ну... да.

– Это связано как-то с тем, что ко мне приходил твой хмырь с рисунков?

– Сергей к тебе приходил?

Ну да, он же как-то узнал, где я. Даже не задумывалась об этом.

– Да, Марин, он предложил ее перевести, здесь доктор хороший и все быстро.

– Ага, а взамен?

Молчу. А что тут скажешь?

– Это же Эля, Марин. Какая разница, что взамен?

– Ну да. Наверное. Ладно, где говоришь, вы? В Холкино? Приеду все равно.

– Сможешь пол дня посидеть здесь? Мне надо будет кое-что сделать, совсем времени нет.

– Не вопрос. Через полчаса буду, держитесь там.

Марина – хорошая подруга. Ее прямота и напор порой пугают, но на самом деле я хотела бы быть такой, как она. С готовностью бросаться в самое пекло, щелкать проблемы, как орешки.

Наконец привозят Элю. Через стекло я смотрю, как у нее берут кровь и подключают к каким-то аппаратам, как в кино. Зажим на пальчике считывает пульс, на мониторе давление. Сразу две медсестры суеются вокруг нее, поправляют подушку, отвлекают, подключают капельницу. Потом ее осматривает врач, и даже немного веселит. Элька, моя маленькая уставшая девочка, слабо, но улыбается. Выходя из палаты, врач говорит:

– Недолго поболтайте, потом пусть поспит. Я пока не вижу угрозы для жизни, но инфекция сильная. Будем лечить. Весь вопрос в антибиотиках, ко многим у современных инфекций есть резистентность. Вечером зайдите ко мне, обсудим результаты.

– Хорошо. Спасибо!

У меня словно камень с души свалился. "Не вижу угрозы для жизни", – в голове крутится фраза, как у заевшего магнитофона.

– Привет, – улыбаюсь племяншке. – Как дела?

– Жарко.

Медсестра сидит в кресле рядом, следит, чтобы Элька не трогала катетер.

– А где мы? – спрашивает она.

– В другой больничке. Теперь будем здесь лечиться, у хорошего врача. Не капризничай и делай то, что скажет доктор.

– А ты не уйдешь?

– Мне здесь нельзя сидеть, это палата со строгими правилами. Я буду вон там, в коридорчике, а скоро придет тетя Марина и тоже с тобой посидит, пока я съезжу домой, чтобы покушать и переодеться.

"И собрать вещи". Но это я не говорю. Что я вообще ей скажу, как объясню, что придется пожить в другом месте? Или Серебров запретит... но я не представляю себе разлуки с Элькой. Может, он хочет меня видеть лишь пока она лежит в больнице?

Снова начинает болеть голова. Вопросов больше, чем ответов.

– А где зайчик?

– Зайчику тоже сюда нельзя. Потом, когда тебе будет лучше, я принесу.

– Не переживай, у нас есть мультики, – подает голос медсестра.

Что ж, пожалуй, здесь за Элю можно не волноваться хотя бы в плане ухода. Даже страшно представить, сколько стоит такое медицинское сопровождение.

– Отдыхай, радость моя. И думай о тортике, который мы с тобой съедим, когда вернемся домой.

Вот как отличить больного ребенка от здорового: его совершенно не радует предвкушение тортика.

Когда я выхожу, рядом появляется водитель:

– Евгения Михайловна, вы готовы ехать? Сергей Васильевич велел отвезти вас собрать вещи.

– Мне нужно дождаться подругу. Я не могу оставить ребенка.

Я думаю, что водитель будет спорить, но он просто кивает и садится на скамейку, утыкаясь в телефон. Мы ждем Марину еще минут десять, а потом раздается звонок – на ресепшн ее не пускают. Приходится провести ее лично, с клятвенным обещанием, что она лишь посидит в коридоре.

– Вам нужно будет вписать ее с паспортными данными в договор с клиникой, – говорит администратор.

Я не решаюсь напомнить, что у меня и договора-то никакого нет. Потом разберусь.

Марина с интересом рассматривает обстановку и с подозрением на меня поглядывает. Элька улыбается ей через стекло и слабо машет ручкой.

– Ну, ей хотя бы полегче, – вздыхает подруга.

– Ненамного. Просто какую-то капельницу поставили.

Я кратко пересказываю разговор с врачом.

– Ну слушай, твой – крутой мужик, судя по всему. Откуда у него связи здесь?

– Он владелец.

Она давится кофе и кашляет.

– Нихрена себе ты попала, мать. И что этот владелец хочет от тебя?

– Чтобы я к нему переехала, – признаюсь.

– Что?!

– Марин, ну давай будем рассуждать как взрослые женщины. Что еще он может хотеть?

– Так нельзя! Это шантаж.

– Да нет, он же давал выбор.

– А мог бы и без выбора помочь.

– Он тебе мать Тереза? Чтобы тратить кучу денег на незнакомого ребенка? Ладно, Марин, что толку сидеть и возмущаться? Я согласилась. Он помог. Ни одна девушка не стоит столько, сколько лечение здесь, наверное, дешевле себе модель выписать.

– Я за тебя волнуюсь.

– Волнуйся за Элю. Ей нужнее.

– Я за всех волнуюсь. У меня безлимитное волнение.

– Мне надо поехать домой, собрать вещи. Ты сможешь побыть здесь пару часов, чтобы Эля не боялась?

– Конечно. Беги. И будь осторожна с этим мужиком. Мало ли, что у него в голове.

Я радуюсь, что Рома стоит чуть в отдалении. Мы спускаемся на парковку и водитель ведет меня к машине. Внутри тепло и чисто, пахнет свежей кожей, как будто машина новая. Я откидываюсь на спинку заднего сидения и проваливаюсь в дремоту. Тиски, сжимавшие сердце, немного слабнут.

Сначала мы едем домой, где я целый час собираю все художественные принадлежности. Оказывается, их очень много. Роме приходится работать не только водителем, но и грузчиком – он живо перетаскивает пакеты в багажник. Любопытные соседки нет-нет да и поглядывают на меня с балкона.

– Уезжаешь, Женечка? – наконец не выдерживает одна.

– Работать еду, – вру единственное, что приходит в голову. – Рисовать. В другой город.

– Вот молодец какая. Человек искусства! А то Семенна говорит, проститутка, да проститутка...

Рома от неожиданности роняет мольберт.

– Ой... простите, Евгения Михайловна, я вам новый куплю!

– Да ладно, – мне даже весело. – Он уже старый. Погрузи, я почию.

Жаль, что с этой суровой российской реальностью не сталкивается Серебров. Думаю, у него шок был бы интереснее.

Потом мы долго едем куда-то за город. И мне немного страшно.

Я думала, Серебров живет в квартире в центре. Все, что мне рисовало воображение, когда я думала о том, как живет богатый человек – какой-нибудь исторический дом с большущей квартирой и высокими потолками. Ну или пентхаус в высотке. Но Серебров, конечно, живет за городом, в огромном двухэтажном доме. Я с восхищением смотрю на этот шедевр дизайнерского искусства, расположенный среди очаровательных сосенок. Когда выхожу из машины, с наслаждением вдыхаю свежий воздух.

Кружится голова, я пошатываюсь и водитель подхватывает меня под руку.

– Евгения Михайловна?

– Все нормально, это с непривычки, свежего воздуха много. Надо срочно подышать у выхлопной трубы.

Слабо, но он улыбается. Уже легче: что-то человеческое в охране Сергея есть. То удивляется бабушкам-сплетницам у подъезда, то улыбается дурацким шуткам.

Мы вместе идем в дом, а мои вещи остаются в машине. Наверное, у Ромы приказ сдать меня с рук на руки. В прихожей я, как дурочка, пытаюсь снять ботинки, но натываюсь на удивленный взгляд Ромы, краснею и чувствую себя деревенщиной, приехавшей в столицу.

– Сергей Васильевич, – мы входим в огромную столовую, – я привез Евгению Михайловну, как вы просили.

Серебров сидит за столом с ноутбуком. Странно видеть его в домашней обстановке.

– Хорошо. Роман, оставь ей свой номер и отныне вози туда, куда девушка скажет. С моим контролем.

Я получаю визитку (надо же, как все серьезно), переписываю номер Ромы в телефон и тоскливо думаю, что в этой тюрьме мне даже надсмотрщика выдали. А Серебров меж тем рассматривает меня с ног до головы. Ну да, я вряд ли сейчас способна вызывать какие-то чувства. Помятая, уставшая, осунувшаяся, испуганная и смущенная. Как бы он не отказался от своих планов-то.

– Если у тебя есть вопросы, самое время задать их сейчас.

Я теряюсь, потому что вопросов миллион. И главный – чего он хочет. Но ответ на него слышать страшно.

– Я буду жить здесь?

– Да.

– А Элина?

– Как пожелаешь. Я не имею ничего против, если она не станет громить дом.

Я разрываюсь между нежеланием приводить ребенка к нему и страхом разлучиться с ней. Кто будет с Элькой возиться? Марина, которая и так сделала для нас нереально много?

– Нет, Эля хорошая и тихая. Она вам не мешает. А как я... то есть в больнице мне нужно быть с ней, и я... то есть я вряд ли смогу быть здесь постоянно, пока ее не выпишут.

– Значит, дождешься, когда ее выпишут.

– Хорошо. Спасибо.

Отсрочка? Послабление? Или ему просто плевать, а условие он выставил, потому что помогать просто так не принято?

– Что вы...

Осекаюсь. Не могу.

– Чего я от тебя хочу? – усмехается он. – Идем.

Мы пересекаем столовую и выходим через неприметную дверь в углу в гостиную. Она производит впечатление, куда большее, чем остальной дом. Во-первых, она еще не доделана, одна стена лишь подготовлена к отделке, не подключен камин, стоит не распакованный телевизор. Здесь есть и стол со стульями, и диван, и огромные окна с широкими подоконниками.

Серебров останавливается у пустой стены. Кивает на стену.

– Хочу рисунок. Городскую панораму, детализированную. Не силуэты домов, а хорошую перспективу, детали, размах и стиль. Справишься?

Мне кажется, я готова разреваться. Ну то есть он говорит то, чего я совершенно не ожидаю.

– Хорошо. – Голос свой не узнаю: дрожит, срывается. – Я подготовлю эскизы, выберете и внесете правки. Мне понадобятся разные краски...

– Роме скажешь, отвезет. Везде ездить с Романом. В больницу, из больницы, в магазин за тампонами, в парк погулять и так далее. Говоришь ему, он сообщает мне, получаешь разрешение – и вперед. Оплачивает покупки тоже он. Все понятно?

– Да. Наверное...

Рисунок... он действительно просто хочет расписать стену? И все? Мне кажется, голова теперь кружится не от воздуха, а от облегчения.

– Рисунок, что я заказывал, не забудь, – говорит Сергей. – Я его жду. И еще...

А вот теперь взгляд не предвещает ничего хорошего. И я, кажется, рано обрадовалась.

– Я ужинаю в восемь. Хочу, чтобы с восьми до девяти ты была здесь. Рисовала. Одета в то, что я скажу.

Ему доставляет удовольствие за мной наблюдать, а я сражаюсь сама с собой, чтобы остаться бесстрашной. Думаю об Эльке, которая сейчас смотрит мультики и выздоравливает. О том, как Серебров нам помог. Я сказала "да", а значит, должна сделать то, что он хочет. Это как минимум справедливо.

– Хорошо. Я поняла. Но... пока я в больнице...

Он закатывает глаза.

– Я же сказал, выписывайтесь. Начнешь потом. Дольше недели вас не продержат, я думаю.

– Спасибо. Рисунок такого размера займет несколько месяцев, вы уверены...

– Кисточка, – обрывает он меня, – я никогда не делаю того, в чем не уверен. Мы заключили сделку, условия обоим известны. Все? Вопросов больше нет? Твоя комната – вторая дверь справа на втором этаже. Располагайся.

С этими словами он уходит, оставляя меня в растерянности. Лишь из коридора кричит куда-то в пустоту:

– Рита, покорми девушку, я в офис.

Рита? Я хмурюсь... неужели жена? Нет, быть того не может, он говорил, что развелся. Наверное, прислуга.

Звонит телефон – Марина. Я чувствую, как сердце бешено-бешено начинает биться. Что-то с Элей?

– Привет, красотка, – говорит подруга. – Ты где?

– Я у Сергея. Вещи перевожу. Что-то случилось?

– Да нет, спит, даже поела что-то. Я тут врача видела. Он сказал зайти к нему не раньше семи. Так что вот как мы поступим. Чтобы я тебя тут до семи не видела.

– Но...

– Не спорь с подругой! У Сергея ты или еще где, плевать. Ложишься и спишь, поняла? В нормальной постели нормальным сном. Я тут посижу, их комната ожидания приличнее, чем моя квартира. И по размеру такая же. А ты высыпайся, давай, поняла?

– Поняла, – улыбаюсь.

– Все нормально у тебя?

– Да. Он хочет рисунок.

– В смысле?

– Просто рисунок на стену. В обмен на помощь Элине. Здоровую стену... метра три. Панораму города. Буду рисовать.

– И все?

Я ведь не вру? Я недоговариваю...

– И все.

– Ну вы даете, Евгения. Ладно, только не кидайся рисовать прямо сейчас, иначе окажешься на соседней койке с Элиной. Поспи. Есть там где поспать?

– Есть, – вздыхаю. – Спасибо. Тебе есть чем пообедать? Я могу...

Теперь ведь есть водитель. Можно привезти Маринке обед.

– И пообедать, и позавтракать, а еще тут медбратик симпатичный, так что я вообще, считай, занята. Ложись.

Я заканчиваю разговор и иду наверх, мне даже любопытно, как выглядят спальни в этом огромном богатом доме. Вторая дверь направо?

Их добрый десяток, этих комнат! Зачем одинокому мужчине столько?

Я берусь за ручку нужной двери и вхожу внутрь, а затем замираю прямо у порога.

Наверное, от недосыпа и недоедания у меня галлюцинации. Потому что своим глазам я не верю, и даже пройдя в глубь помещения не могу осознать то, что вижу. Возвращаюсь в коридор, снова отсчитываю двери. Но нет, об этой комнате говорил Серебров. И здесь мои вещи, аккуратно сложенные на огромном столе.

А еще к этой комнате примыкает детская. На самом деле это самая сказочная и фантастическая детская из всех, что я видела. Кровать золушки, подсветка из звездочек на потолке, большое игровое пространство, рабочее место, здоровый шкаф с книгами, какими-то коробками.

У него, наверное, был ребенок, который после развода остался с матерью. Да, был. И Сергей сделал для него детскую, чтобы он навещал отца. Но тогда почему поселил меня здесь? О том, что он специально обставил комнату, зная, что я и Элина приедем, мне не хочется думать.

Затем я подхожу к шкафу и понимаю, что никакого ребенка у Сереброва нет. От этой мысли мороз по коже. Все книги запечатаны в пленке, даже этикетки не сняты. Коробки – игровые наборы, паззлы, творческие мастер-классы и конструкторы – не распакованы. Я словно перед витриной магазина.

Мне страшно, потому что я словно смотрю в чужую душу, похожую на бездну. Что происходит с человеком, который делает в своем доме такое?

Одновременно с этим я, к собственной неожиданности, немного радуюсь за Элю. Мне стыдно за эти эмоции, но я очень хочу, чтобы она все это увидела, чтобы пожила немного, как в сказке, потому что я никогда не смогу купить ей такие игрушки и сделать такую комнату. Придется сказать ей, что мы едем в гости и сделать настоящие каникулы.

Вещи разбирать совсем не хочется. Я снимаю туфли, ставлю будильник и ложусь на огромную кровать. Едва не стону от наслаждения – после недели сна между полом и краешком неудобной койки с вылетевшими пружинами, постель кажется мне самым уютным местом на свете.

Хочется пореветь. И от жалости к себе, и от страха за Элину, и от облегчения. И еще потому что я чувствую себя отвратительно, восхищаясь этим домом и наслаждаясь условиями, в которые вдруг попала. Мне кажется, я должна сражаться, быть как те героини книг и фильмов, которые ни за что не предают свои идеалы и принципы.

Но, похоже, героиней мне не быть. Я прижимаю к себе белого мехового кролика и закрываю глаза.

Куда ж меня этот кролик привел-то!

Глава восьмая

Когда звонит будильник, я просыпаюсь, но целую минуту не могу понять, где нахожусь. За окном снова пасмурно, над городом вдалеке собирается гроза. Мне не хочется вставать. Наверное, если бы было время, я бы отключилась на сутки, не меньше. Но через час с небольшим нужно быть в больнице, на встрече с врачом.

Дверь вдруг открывается, и я вскакиваю.

– Ой, простите! – миловидная брюнетка средних лет держит поднос. – Я услышала будильник и принесла вам ужин.

– Спасибо.

– Меня зовут Рита, если что. Я экономка. Сергей Васильевич сказал, вы здесь поживете, так что если будут какие-то вопросы, меня можно найти или на кухне или в комнате за кухней. Завтрак и обед в любое время, ужин готовлю к восьми и оставляю на кухне, мой рабочий день заканчивается в девять, но вы можете обращаться, если вдруг что-то срочное. Комната для стирки внизу, просто относите то, что вам нужно, я займусь. Ванная в конце по коридору. Аптечка, если что, на кухне и у Сергея Васильевича в кабинете.

– О... – Я теряюсь, чувствуя себя неловко. – Спасибо.

– Поужинайте, сегодня у нас морепродукты. Если что, спускайтесь за добавкой.

Я, как китайский болванчик, киваю.

– Мой номер записан в ежедневнике на вашей тумбочке. На всякий случай. Будут какие-то пожелания? Что-нибудь особое нужно покупать из продуктов?

Мотаю головой. Надо бы что-нибудь сказать, но пока не выходит. Такого я точно не ожидала. Когда Рита уходит, я сажусь за стол. Есть до ужаса хочется, а раз так любезно предложили, отказываться не резон. На подносе большая тарелка с моими обожаемыми макаронами (хотя, скорее, это паста, уж точно не рожки по тридцать рублей за кило), креветками и мидиями в сливочном соусе. Овощной салат с потрясающей лимонной заправкой. стакан свежавыжатого сока и маленькая баночка с мороженым. Она меня особенно радует, это одна из тех мелочей, которые выдают абсолютную свободу в средствах. Ты не выбираешь самое недорогое и при этом вкусное мороженое, не тащишь, надрываясь, здоровый брикет, потому что килограммом покупать дешевле. Ты просто берешь порционные маленькие баночки с разными вкусами и достаешь по одной к ужину.

Я заканчиваю с едой и отношу поднос на кухню, где Рита уверяет меня, что делать это совершенно необязательно, она все заберет, приберет и вообще ей за это платят. Затем я переодеваюсь и звоню Роме.

В машине водитель отдает мне бумажный конверт.

– Сергей Васильевич сказал, чтобы вы все заполнили и подписали.

Пока мы едем, я открываю конверт и просматриваю бумаги. В основном это договор с клиникой, заявление на доступ к персональным данным и все остальное. Только последний листок – небольшая анкета без опознавательных знаков.

Фамилия, имя, отчество, дата рождения, место рождения, паспортные данные, место жительства, образование, размер одежды, ноги, аллергии, непереносимости, жизненно важные лекарства и все остальное. Меня съедает любопытство, но Рома вряд ли знает, зачем Сереброву понадобилась моя анкета. Может, из соображений безопасности...

Когда мы приезжаем, Марина придирчиво меня осматривает:

– Ну вот, другое дело. Уже посвежевшая. Пospала хоть немного?

– Отрубилась на весь день, – признаюсь я. – И съела столько, что живот надулся.

– Вот и молодец. Ладно, Элина спит, я побежала к завтрашним занятиям подготовлюсь. После обеда приеду и снова отправлю тебя спать, поняла?

Я улыбаюсь. Марина хорошая подруга и мне везет, что она с нами так возится.

Пока иду к врачу, руки дрожат.

– Ну что ж, Евгения Михайловна, анализы готовы еще не все, но самые важные мы сделали и все посмотрели. Что я могу сказать, девочка поступила с пневмонией и от пневмонии ее лечили правильно, однако добавилась сверху еще инфекция и врач тут немного растерялся, а возможно, не сумел сделать нужные анализы. У вашей племянницы не стерильна кровь. Не бледнейте так, это лечится. Сейчас много эффективных антибиотиков. Долечим вашу пневмонию, долечим заражение и проведем реабилитацию. Все это займет несколько месяцев.

Я сижу, будто ударенная дубиной по голове, не знаю, то ли радоваться, то ли разреваться от жалости к Эле.

– Это заражение крови?

– Да, боюсь, что так. Евгения Михайловна, только не читайте никаких ужасов в интернете. У сепсиса есть разные формы, бывают даже хронические. Мы начали лечение и оно дает положительную динамику. О реанимации речи не идет, лишь об интенсивной терапии.

– Она несколько месяцев проведет в больнице?

– Нет, конечно, реабилитация – это укрепление организма. Витаминные комплексы, ЛФК, физиотерапия, санатории. Посмотрим, с какими последствиями выйдет девочка из лечения и будем думать над дальнейшей стратегией. Но я со своей стороны катастрофы никакой не вижу. Да, болезнь неприятная, пневмония у детей вообще непредсказуема. Но мы вовремя поймали заражение, будем лечить.

– Спасибо. – Я киваю, все еще не зная, как реагировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.